

18+

Роман Литвинцев

**ЗАРЯ КРАСНОГО
ЗАБАЙКАЛЬЯ**



Роман Литвинцев
Заря красного Забайкалья

«Издательские решения»

Литвинцев Р.

Заря красного Забайкалья / Р. Литвинцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511343-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Как известно первым фронтом гражданской войны в России стал Даурский фронт. Именно здесь в Забайкалье произошло первое масштабное организованное выступление против сил революции. Книга охватывает восемнадцатилетний период жизни Забайкалья, от провозглашения Читинской республики до вхождения Дальневосточной республики в состав РСФСР. Основываясь на архивных документах, материалах музеев, воспоминаниях участников событий, постараемся найти причину того, что Забайкалье стало советским. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-511343-6

© Литвинцев Р.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Читинская республика	7
Глава 2. Федот Шилов	10
Глава 3. Освобождение матросов транспорта «Прут»	12
Глава 4. Борзинская ячейка РСДРП	15
Глава 5. Александр Попов (Коновалов)	17
Глава 6. Владимир Иммерман	19
Глава 7. Забайкальские казаки с фронта возвращались	21
Глава 8. Мария Спиридонова	23
Глава 9. Петровск-Забайкальские «чуглитовцы» в красной гвардии	25
Глава 10. Атаман Семенов – беспощадный борец с коммунизмом	27
Глава 11. Как есаул Семенов маньчжурский гарнизон разоружил	29
Глава 12. Красный Могзон	33
Глава 13. Нестор Каландаришвили	36
Глава 14. Урульгинская конференция	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Заря красного Забайкалья

Роман Литвинцев

© Роман Литвинцев, 2020

ISBN 978-5-0051-1343-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Тема которую мы рассмотрим в книге остается особенно важной сейчас и думаю останется не менее важной и в будущем. Даже по истечении сотни лет со дня Октябрьской революции, многочисленных исследований, разборов причин, остается множество вопросов. Единственное, что несомненно, Октябрь являлся прямым следствием Февраля.

Революционным пожаром оказалась охвачена вся Российская империя, но это не значит, что революция и последующая за ней братоубийственная гражданская война протекала везде по одному сценарию.

Как известно первым фронтом гражданской войны в России стал Даурский фронт. Именно здесь в Забайкалье произошло первое масштабное, организованное выступление против сил революции.

Книга охватывает восемнадцатилетний период жизни Забайкалья, от провозглашения первой в мире Советской республики – Читинской республики, до вхождения Дальневосточной республики в состав РСФСР.

Основываясь на архивных документах, материалах музеев, воспоминаниях непосредственных участников событий столетней давности, постараемся найти причину того, что Забайкалье стало Советским и был ли шанс сохранить альтернативную Советской государственность.

Данная тема мало исследована. Конечно существуют отдельные работы по истории партизанского движения в Забайкалье в годы гражданской войны, множество работ о белом движении. Существуют и художественные произведения, книги, фильмы о борьбе за Советскую власть, мемуары участников белого движения, но все они предвзяты, отражающие субъективное мнение авторов или же написаны в соответствии политической конъюнктуры.

Нашей же задачей является постараться взглянуть непредвзято на события в общем, но при этом со всех точек зрения участников в частности. То есть применим индуктивный метод.

Мы не будем искать виновных и тем более не будем их назначать. Мы будем определять ключевые моменты в жизни отдельного человека, основываясь на исторических документах, свидетельствах очевидцев. Все цитаты, которые будут приведены здесь, можно найти в исторических исследованиях, художественных произведениях написанных в ту эпоху или близкую к ней.

Так же в книге для более удобного восприятия, присутствуют художественные вставки, реконструирующие диалоги участников. Диалоги основаны на выражениях употребляемых в то время в разговорной речи, сохранившихся описаниях характеров, личных качеств исторических личностей.

Отдельная благодарность за консультативную помощь в написании книги заместителю директора по научной работе МУК "Борзинский районный краеведческий музей" Г.И. Беломестнову, а также директору МУК "Нерчинско-Заводский районный краеведческий музей" С.Е. Сарафанниковой.

Глава 1. Читинская республика

Особое место в революции 1905 года занимала Чита. Здесь была наиболее крепкая на всем Дальнем востоке и Восточной Сибири большевистская организация. Локацией восстания не был только областной центр. Помимо Читы революционным пожаром были охвачены населенные пункты: Борзя, Верхнеудинск, Хилок. В этих местах большевики совместно с эсерами достаточно прочно удерживали власть. В ноябре 1905 года большевики сумели привлечь на свою сторону почти весь гарнизон города Чита. Членами революционного комитета были такие матерые большевики, как И. Бабушкин, В. Курнатовский, А. Костюшко-Валюжанич, И. Попов-Коновалов и ряд других не менее опасных и одиозных для властей лиц.

Большевистская пропаганда различными методами распространялась среди солдат. Часто большевики переодевались в военную форму, проникали в казармы, где вели агитацию среди солдат, устраивали провокации. Особенно хорошо зарекомендовал себя перед комитетом в этой опасной работе, молодой, но ярый большевик Дмитрий Кривоносенко.

Кривоносенко действовал в боевой организации созданной по типу террористических организаций эсеров. Организация называлась «Забайкальская федерация групп вооруженного народного восстания». Свою тягу к революции Дмитрий унаследовал от отца, фельдшер Акатуйской тюрьмы. Именно он свел сына с матерыми социал-демократами как Бабушкин и Костюшко. После такой интенсивной обработки солдаты все больше и больше проявляли политическую активность. Так 27 июля на одном из митингов железнодорожников присутствовали десятки солдат, что ранее не наблюдалось. Конечно, солдаты и раньше принимали участие в митингах, но не в таком большом количестве.



Д.И. Кривоносенко

Так же не дремал и В. Курнатовский, издавал прокламации, распространявшиеся среди военных в эшелонах, проходивших через Читы в Маньчжурию и обратно. Готовил первый выпуск своей газеты «Забайкальский рабочий», бывшей рупором РСДРП. Первый выпуск газеты вышел в декабре. Ведение войны с Японией требовало концентрации по мимо кадровых, также большого количества запасных воинских частей. В гарнизонах росло не довольство и ненависть к царским властям. Прежде всего, это было связано с нехваткой продовольствия, экипировки, с задержками поставок вооружения, бездарным командованием офицеров, проводивших время в пьянках и больших жертвах на поле боя. Конечно так было не повсеместно, но общая ситуация в глазах общественности, описываемая демократической прессой выглядела именно так. Ленин в октябре 1905 года отмечал: «Манчжурская армия, судя по всем сведениям, настроена крайне революционно, и правительство боится вернуть её, – а не вернуть этой армии нельзя, под угрозой новых и ещё более серьёзных восстаний». Рабочие Главных железнодорожных мастерских создают в августе вооруженную дружину.

15 октября 1905 года Чита узнала о начавшейся Всероссийской стачке. Рабочие депо и железнодорожных мастерских с воодушевлением встретили это известие. Без замедления присоединились к забастовке, вышли на улицы, требовали прекращения Русско-японской войны и свержение самодержавия. В октябре численность вооруженной дружины достигает 4 тысяч человек. Эти железнодорожные дружины участвовали в нападениях на полицию и членов «Союза русского народа». Впоследствии сами дружинники взяли на себя функции полиции.

Читинский гарнизон состоящий из запасных частей перешел на сторону восставших рабочих. Командование гарнизона ни чего не могло с этим поделать, офицерам оставалось лишь ждать прибытие про-правительственных частей из Маньчжурии. На самом деле вина в том, что гарнизон Читы восстал, была целиком и полностью на командирах. Солдаты голодали, офицеры над ними издевались, побои были обычным делом, старшие офицеры присваивали жалование нижних чинов.

Губернатор Холщевников вместо того, чтобы как-то исправить положение в гарнизоне к лучшему, видя неизбежность восстания, шлет ходатайство начальнику Маньчжурской армии об увольнении всех запасных частей и требует немедленно заменить части Читинского гарнизона, кадровыми. 16 ноября на станции Чита-Военная начали кучковаться солдаты железнодорожного батальона, с целью выдвинуть свои требования командирам. Командиры на собрание не явились. Комендант станции предпринял попытку сорвать собрание, прокричал: «Пожар!». В ответ его окунули в бочку, с водой предназначенную для тушения.

Солдатская масса впервые приняла участие в революционной борьбе, митинги проходили в Чите каждый день. Солдаты гарнизона приняли резолюцию о полной поддержке РСДРП.

Полковник Дориан командующий 3-им батальоном обеспокоенный революционными настроениями подчиненных 21 ноября 1905 года отправил рапорт начальнику сообщений тыла Маньчжурской армии. В рапорте он описывал общее состояние батальона и то, что на его угрозы прекратить бузу солдаты не поддаются. 22 ноября 1905 года был создан Совет солдатских и казачьих депутатов. В него вошли представители РСДРП и ЗФГВНВ. Совет взял под свой контроль Транссиб, в городе были захвачены почта и телеграф Провозглашается первая в мире советская республика. Вошедшая в историографию под именем Читинской республики. Официальные власти не предпринимали активных действий. 24 ноября во время митинга организованного Читинский комитетом РСДРП военному губернатору Холщевникову был предъявлен ультиматум. В нём содержались такие требования освобождения политических заключенных из тюрем. В частности арестованного на днях Дмитрия Кривоносенко, а так же освобождение двух солдат-писарей, арестованных за революционную работу, освобождение из Акатуйской тюрьмы матросов с речного монитора «Прут». Губернатор, желая выиграть время в конце

ноября отдает приказ уволить запасные части 3-го батальона. Оставшаяся масса солдат продолжала бунтовать и выдвигать требования.

1 декабря состоялось заседание офицеров на котором присутствовал Холщевников. Офицеры были настроены либерально.

5 декабря офицерское собрание опубликовало заявление о том, что офицеры сочувствуют освободительному движению и придерживаются нейтралитета. 14 декабря 1905 года в своём рапорте Дориан сообщал в штаб армии, что пропаганда социал-демократической партии ведется совершенно беспрепятственно. К революции присоединялось все больше и больше солдат. Ко всему прочему из тюрем были освобождены политические. Курнатовский, в конце декабря вместе с революционной дружиной освобождает из Акатуйской каторжной тюрьмы матросов, восставших на военном транспорте «Прут». После издания Манифеста 17 октября Российское правительство начало разрабатывать планы ликвидации революционных очагов. Подавлять революцию пришлось возвращавшимся с проигранной русско-японской войны войскам генерала Павла Рененкампа.

К Чите из Харбина и Москвы в начале 1906 года двинулись карательные эшелоны. Из Москвы шел с войсками генерал А.Н.Меллер-Закомельский. Военно-полевым судом на станции Борзя были осуждены шесть человек. Из них пятеро приговорены к тюрьме общего режима. Тем ни менее наказание они все отбывали на Нерчинской каторге. Польский дворянин Витольд Эрдман работавший машинистом на станции Борзя осужден к трем месяцам тюрьмы за то, что в пьяном виде на вокзале выкрикивал оскорбление на портрет императора.

В числе осужденных были: санитарный десятник службы пути К. М. Зезюкевич, машинисты: И. И. Ясинский, столяр А. П. Королев, конторщик К. К. Падалко, мастер депо И. А. Шилко и начальник участка В. В. Окончиц. Ясинский и Шилко раздавали рабочим локомотивного депо украденное оружие, призывая к ниспровержению государственного строя. 22 января 1906 года руководство восставших в лице комитета РСДРП, узнав о жестких методах Рененкампа, приняло решение сопротивления не оказывать. Чита разоружилась. Два месяца Читинской республики закончились. Были арестованы почти все нижние чины 3-го резервного железнодорожного батальона, при аресте убит мятежником офицер батальона подпоручик Иващенко.

2 марта 1906 года на 2-й Огородной улице прошла (**ныне ул. Революции 1905 года**) публичная казнь революционеров. Были расстреляны Костюшко-Валюжанич, Ванштейн Исай Аронович, Цупсман Эрнст Видович, помощник начальника станции Чита-вокзал, Николай Антонович – руководитель вооруженных дружин Читы, Столяров Прокопий Игнатьевич- он хранил на своей квартире оружие. Курнатовского приговорили к расстрелу, затем приговор заменили на каторгу. В декабре 1906 года была обезврежена полицией боевая организация «Забайкальская федерация групп вооруженного восстания». Дмитрий Кривоносенко был схвачен властями лишь в 1908 году. После казни отца он помешался рассудком, не раз проходил психиатрическую экспертизу по настоянию тюремного начальства. На революционную деятельность недуг не повлиял.

Глава 2. Федот Шилов

В Забайкалье фамилия Шиловых достаточно известна, Дмитрий Самойлович Шилов, подпоручик, знаменитый советский публицист, руководитель Амурских партизан в годы гражданской войны, государственный деятель, в годы Дальневосточной республики был председателем Учредительного собрания, его брат знаменитый революционер, сибирский писатель, журналист Степан Самойлович Шилов. Об них известно многое, их именами названы улицы, написаны статьи в Энциклопедии Забайкалья, но был еще и третий Шилов, их брат Федот Самойлович.

Являясь старшим, в семье Федот заменил Дмитрию отца, воспитывал его, помогал во всем. Возможно благодаря брату, который был непререкаемым авторитетом в семье, Дмитрий и смог достичь успехов. По профессии Федот был столяр-плотник. Как старшему из детей ему приходилось особенно много трудиться. Только благодаря хорошим заработкам Федота, большая семья Шиловых не голодала. Хотя, как вспоминал Дмитрий Самойлович, были времена, когда Федот еще не плотничал, тогда жилось плохо.

«Я вообще не представляю разъединено два понятия: работа и Федот. Я знаю, что все работают это обычное, иначе в жизни не бывает. А Федот работает всегда.» – говорил Дмитрий Самойлович.

Федот Самойлович был одним из, если не самым высококвалифицированным плотником в Нерчинске и округе, к тому же и грамотным. Федот был единственным в поселке (**прим. пригород Нерчинска**) кто выписывал газеты. Все соседи приходили к нему послушать, что пишут, задавали вопросы, чтобы он им разъяснил, если что не понятно. Федот и Степан так же доставали запрещенную литературу, им ее привозили из Читы. Понемногу они проводили агитацию среди нерчинских рабочих, готовили почву для 1905 года. В 1905 году Федот и Степан самостоятельно изготовили гектограф и с его помощью сами печатали революционные прокламации. Особо революционно настроенные нерчинцы желали физически уничтожить представителей властей, чиновников, полицейских.



Братья Шиловы. Из фондов МУК "БРКМ".

Новым градоначальником хотели видеть исключительно Федота Шилова.

После манифеста государя от 17 октября 1905 года, которым он пытался утихомирить революцию, даровав парламент, евреи в «Черте оседлости» выражали недовольство и восставали, они желали продолжения революции.

Эти события имели отклик среди народа в виде еврейских погромов по всей империи. Весной 1906 года нерчинские черносотенцы организовали еврейские погромы, народ активно принял в них участие. Федот видя это пытался, объяснять людям, что евреи тоже угнетены царской властью и грабить купцов не нужно.

Федот Самойлович обратился к толпе мужиков с гневной речью: «Это не революционный погром богачей, как некоторые пытаются оправдаться, а черносотенный погром евреев, который на руку одной лишь царской власти». Купцы после этого всячески поддерживали Федота, видя в нем своего сторонника и защитника. Новых попыток погромов в Нерчинске не предпринимали. После этого случая черносотенцы организовали неудачную попытку убийства братьев Шиловых. Они в свойственной им манере, громко и вызывающе направились к дому Шиловых. Кричали о необходимости расправы над братьями и всей семьей.

Федот встретил разъяренную толпу русских националистов молча. Он просто стоял, смотрел и слушал отборную брань, адресованную в его адрес и всей его семьи. Вскоре на выручку Федоту примчались его сторонники, черносотенцы вынуждены были ретироваться.

К концу 1906 года революция пошла на убыль.

За участие в революции был арестован Степан Шилов, позднее выслан в Австрию, затем перебрался в Швейцарию. Федоту скрываясь от властей направился на строительство Амурской железной дороги. Следующие десять лет для него прошли относительно тихо, но мечты революции он не забросил.

В 1917 году в Нерчинске был тайно создан подпольный большевистский совет, во главе его конечно же встал Федот Шилов. На одном из заседаний с докладом о том, что скоро Чита будет занята подконтрольными Советам войскам, и нерчинцам тоже пора действовать, выступил брат Федота Дмитрий.

После агитационной работы казаки 2-го Нерчинского полка приняли резолюцию о поддержке Советской власти и избрали депутатов в объединенный Совет рабочих и казачьих депутатов.

20 декабря 1917 года в Нерчинске была установлена Советская власть. 8 февраля 1918 года планы десятилетней давности, сделать Шилова градоначальником осуществились, Федот Самойлович был избран председателем Нерчинского Совета. Через несколько дней в город прибыл с фронта 2-й Нерчинский полк. Теперь в распоряжении Совета были надежные вооруженные силы». К весне 1918 года 1500 казаков и крестьян выступили против Советской власти на стороне атамана Семенова. Нерчинск был окружен белыми. Федоту Шилову каким-то образом удалось уговорить командование белых выпустить его вместе с верными ему людьми из города.

В конце августа Читу заняли чехословацкие легионеры, 1 сентября вступили части ОМО, 6 сентября японцы. 28 августа Урульгинская конференция принимает решение перейти от легальных методов ведения борьбы к нелегальным, то есть по сути это день начала партизанской борьбы в Забайкалье.

Федот Самойлович уехал в Благовещенск, где жил и работал на конспиративной квартире под именем Налобина. Вскоре был арестован. Выйдя из тюрьмы Федот отправился в тайгу в партизанский отряд брата Дмитрия. После гражданской войны Федот Самойлович жил в Хабаровске. Умер в 1937 году не сумев пережить арест и обвинение сына «врагом народа». Перед смертью в знак протеста в ложном обвинении выбросил партбилет.

Глава 3. Освобождение матросов транспорта «Прут»

Как уже писалось, Виктор Константинович Курнатовский, профессиональный революционер, соратник Ленина, первый редактор газеты «Забайкальский рабочий» 1905 году был в Борзе. Его пребывание на небольшой в то время станции, связано с одним из значительных событий в истории России и мира, не заслуженно забытым. А именно провозглашение первой в мире советской республики. Курнатовский и Кудрин только отсидели срок и планировали возвращаться в европейскую Россию, как на станции Борзя от телеграфиста, случайно они узнали, что по всей России началась революция. В Чите власть захватил революционный комитет большевиков.

Курнатовский возжелал как можно быстрее отправиться в Читу, и быть на гребне революционной волны. Узнав, что Курнатовский и Кудрин политические борзинские железнодорожники посадили их на поезд до Читы, бесплатно. В Чите на вокзале, сразу же как только сошли с поезда товарищи увидели Костюшко-Валужанича, который был послан комитетом РСДРП их встречать. О их приезде сообщили из Борзи.

Костюшко вкратце рассказал, что происходит в городе и они поспешили отправиться в штаб РСДРП на Енисейской улице. Штаб охраняли дружинники. У большевистского комитета помимо дружин в распоряжении был вооруженный до зубов железнодорожный батальон и Читинский гарнизон. Благодаря тому что у комитета была вооруженная поддержка, революция в Чите увенчалась успехом. В отечественной историографии она вскользь упоминается как Читинская республика. Борзинские большевики значительной мере приложили руку к этим событиям, показавшим величественный пример для революционеров России и мира. В декабрьские дни 1905 года Чита переживала радость первых революционных побед, комитет РСДРП после долгих мучительных раздумий, боясь разгневать власти, все же решился освободить матросов транспорта «Прут» из Акатуевской тюрьмы, осужденных на вечную каторгу за попытку вооруженного мятежа на Черноморском флоте 19 июля 1905 года.

Сорок два военнослужащих подняли на судне красный флаг и из Одессы направились в Севастополь, чтобы уговорить восстать все корабли Черноморской эскадры. Их безумное предприятие не увенчалось успехом, всех мятежников арестовали. 11 декабря проходил съезд революционных комитетов Забайкальской железной дороги. 15 декабря на митинге была выбрана делегация, в которую вошли Всеволод Чистохин, Андрей Лопатин, Григорий Белянин и Егор Полубояринов от Совета солдатских и казачьих депутатов, а также члены Читинского комитета РСДРП Курнатовский и Кудрин. Возглавить ее было поручено Курнатовскому. Не успев приехать из Акагуя Курнатовский и Кудрин отправлялись назад, уже как власть, громить ненавистные темницы и рвать оковы узников. 16 декабря делегация выехала на станцию Борзя. Борзинские железнодорожники снабдили теплыми вещами Читинских большевиков, дали шубы и валенками для матросов. Железнодорожники у кого-то отняли подводы с лошадьми и на них Курнатовский с товарищами поехал в Акатуевский рудник. Вот как вспоминал последующие события сам Курнатовский:

«Всюду в деревнях делегация встречала радушный прием, крестьяне, казаки и инородцы стекались на остановках в те избы, где останавливались делегаты, с жадностью расспрашивали о том, как идет борьба за освобождение народа от старого режима, рассказывали о своих нуждах, спрашивали, что им делать, -чтобы избавиться от хищника Кабинета, опутавшего все Забайкалье, как добиться лучших условий своего существования».

Народ был настроен агрессивно по отношению к чиновникам и армейскому командованию. Солдаты проклинали и царя за бездарность и глупость в развязывании ненужной войны,

и генералов, думавших лишь о своих наградах, распивавших дорогие вина в штабах, в то время как простые солдаты гибли от японских пуль.



Автор: А.К. Кузнецов. Акатуевская тюрьма. 1891 год.

20 декабря члены делегации подъехали к Акатую. Акатуй – слово внушавшее страх в сердца любого революционера Российской империи. Акатуевская тюрьма одно из самых страшных мест заключения, с чудовищно строгим режимом. Курнатовскому в полной мере довелось на себе жестокость ее каторжных порядков.

Казалось, самой природой предназначено ей быть каменным саркофагом, ларцом, шкапулкой мифической Пандоры, скрывавшей в себе многие беды для России. Курнатовский прибыл сюда, что бы наконец-то открыть этот ларец, и выпустить на белый свет революционные силы, что бы они разнеслись по всей России, множась и крепнув. В кабинете начальника тюрьмы Курнатовский предъявил требования комитета РСДРП начальнику тюрьмы Фищеву:

«Мы требуем немедленного освобождения товарищей матросов транспорта „Прут“, в случае отказа, господин Фищев, освободить матросов перейдем к другим мерам, не считаясь уже с вашей властью».

Фищев был уже осведомлен о положении в Чите и беспрекословно выполнил все требования, он нисколько не сомневался в реальности угрозы для своей персоны. Фищев боялся за свою жизнь так как прекрасно знал, что справедливая кара за издевательства над народом и заключенными может настичь его в любую секунду. Поэтому он принял для себя решение во всем сотрудничать с Читинской делегацией. Два солдата выбранные депутатами отправились к матросам сообщить об освобождении. Немедля ни минуты делегация вместе с освобожденными тринадцатью матросами, отбывавшими наказание в Акатуе, тронулись в обратный путь. Запах свободы пьянил матросов, а чувство победы, придавало сил лично Курнатовскому. 23 декабря вечером матросы прибыли в Борзю. На площади перед вокзалом была толпа людей. Зная заранее об освобождении матросов, на встречу с ними приехали шахтеры с Харанорских копей, монголы-скотоводы. Незадолго до отъезда в Читу открылся митинг.

Курнатовский выступил перед народом:

«Революция взломала железные двери одной из самой жестокой царской тюрьмы. Сегодня вооруженные Читинские рабочие освободили 13 матросов с транспорта «Прут».

Матросы эти предприняли восстание против царизма но угля у них не было, идти в море «Прут» не смог, и он остался одиноким борцом. Вот у вас в Борзе много угля. «Пруту» пришлось вновь отдаться в руки начальства, которое под угрозой расстрела всей команды стало требовать выдачи зачинщиков. Последовал военный суд, казни, бес- срочная каторга. Так пали первые борцы из среды матросов, с оружием в руках восстав- шие за права народа против самодержавия. Народ не забыл борцов против своих угнета- телей. Российская социал – демократическая рабочая партия взяла на себя обязанность освободить товарищей матросов, томящихся за стенами Акатуевской каторжной тюрьмы, вырвать их из когтей неволи и вернуть их народу».

В народе послышались восторженные возгласы и одобрения. Шум толпы перебил гудок паровоза известил о прибытии воинского эшелона, на котором делегаты во главе с Виктором Курнатовским, и матросы отправились в Читу.

Через месяц, 22 января 1906 года войска генерала П. К. Рененкамфа вошли в Читу и без единого выстрела подавили восстание. Заговорщики и мятежники были арестованы. Активистов суд приговорил к смертной казни. Костюшко-Валюжанича расстреляли на Титовской сопке в Чите. Виктора Константиновича Курнатовского приговорили к расстрелу, но заменили приговор на каторгу, и ему довелось еще раз побывать в Акатуевской тюрьме. В мае 1906 года Курнатовский прикинулся больным и был отправлен в Нерчинскую городскую больницу, с помощью подкупленного врача ему удалось бежать. С помощью большевиков он добрался до Владивостока, оттуда на корабле отплыл во Францию. Умер в Париже в 1912 году.

Глава 4. Борзинская ячейка РСДРП

В 1906 году в ходе полицейских и армейских операций Борзинская группа РСДРП не прекратила свое существование. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы. Одно из них письмо В. К. Курнатовского из японского города Нагасаки Читинскому комитету РСДРП, датированное 31 октября 1906 года.

В письме имеется такая фраза: «Но можете писать и через Борзю или П. Н.». Другой документ уже из официальной переписки жандармского управления от 18 декабря 1906 года. Штабс-ротмистр Покровский пишет начальству следующее: «Из полученных при ликвидации бюро Читинского комитета РСДРП указаний видно, что служащий, по-видимому, в депю ст. Борзя некто „Иванов“ состоит членом вышеназванной организации и содействует распространению воззваний преступного содержания и находится в непосредственных сношениях с вышеназванным комитетом». Эти документы являются неоспоримым доказательством того, что несмотря на решительные и жесткие меры по борьбе с революцией со стороны властей, конспиративные связи ячеек РСДРП сохранились не только в Чите, но и в Борзе. Вообще доподлинно известно, что в конспиративной работе большевики могли дать фору любой разведке. Сам лидер социал-демократов В. И. Ленин не мало внимание уделял именно конспирации. Жившие во времена СССР наверняка помнят рассказы для детей про Владимира Ленина, где он писал молоком, налитым в импровизированную чернильницу из хлебного мякиша. Как только появлялись жандармы он тут же съедал свой письменный прибор. Традиционно глупый жандарм ничего не мог заподозрить. Так же известен способ по ведению тайной переписки применяемый Лениным. В какой-нибудь заранее условленной книге, на заранее условленной странице буквы помечались еле заметными символами, следуя известному только большевикам «ключу» буквы складывались в слова. Лишившись руководства и несмотря на преследования властей, борзинские большевики продолжали борьбу. Группа, оправившись от генеральского погрома, имея в своих рядах 15 членов, немедленно начала свою будничную, тяжелую работу.

По инициативе большевиков борзинские рабочие в 1906—1907 годах неоднократно ставили памятник на месте расстрела члена Читинского комитета А. И. Коновалова.

Жандармы разрушали этот памятник, напомилавший рабочим о героических днях 1905 года. Может быть поэтому мы сегодня и не знаем место захоронения Коновалова. Предположительно его могила находится где-то в районе горы Бухи. В 1989 году могила революционера была найдена, и останки торжественно перезахоронены вблизи школы №15, на улице носящей его имя в г. Борзя.

В июне 1906 года Борзинская группа РСДРП, насчитывающая 20 членов, была представлена на втором съезде Сибирского Союза РСДРП, состоявшемся в Красноярске, а в августе этого же года на первом забайкальском съезде РСДРП.

Участвовали представители борзинских большевиков в конце 1906 года, и на третьей конференции Сибирского союза РСДРП. К этому времени численность группы сократилась до 17 членов. Полицейский террор и сыск усиливался, следовали погромы за погромами. В начале 1909 года в результате ряда арестов жандармам удалось ликвидировать на время партийную организацию в Борзе.

Революционная работа среди борзинских железнодорожников не прекращалась. В 1912—1913 годах в Борзе распространялись газета «Правда», листовки. Но ввиду того, что население было малограмотным, вся эта макулатура шла на самокрутки. Читал же их узкий круг революционно настроенных железнодорожников.

Накануне февральской революции политическим ссыльным Андреем Андреевым в Борзе была воссоздана организация РСДРП (Б).



А.И. Попов. Фото из фондов МУК "БРКМ"

Глава 5. Александр Попов (Коновалов)

Революция 1905 года. Провозглашение Читинской республики. За два месяца своего существования республика породила множество имен героев и злодеев будущей советской власти, которых возносили на пьедестал почета или клеймили врагами трудового народа. Сегодняшний наш рассказ о молодом человеке не дожившем и до тридцати лет. Он пламенно ненавидел существующий строй Российской империи, фанатично был предан делу революции и умер как настоящий революционер на эшафоте, под стать тем лидерам Французской революции которые служили ему вдохновением в юности. Имя этого человека Александр Инокентьевич Попов-Коновалов. Александр Попов родился в Иркутске, там же он получил образование и работал учителем. как и многие студенты в юности он увлекся социализмом. Юньшеский максимализм, негилизм и премеры «узников совести» минувших десятилетий служили благодатной почвой для революционных брожений различного толка. У Александра революционный порыв не принял радикальные формы, то есть он не стал эсером-бомбистом, а связал свой жизненный путь со слабой и малоизвестной в далеком, от на 1903 году, с Российской Социал-демократической Рабочей Партией. Через пятнадцать лет эта партия захватит власть и одержит победу в братоубийственной гражданской войне. Александр Попов сал одним из организаторов Иркутской ячейки РСДРП. В это же время он берет псевдоним Коновалов. В 1903 году за антиправительственную агитацию он был осужден Иркутской судебной палатой на 1 год и 8 месяцев тюрьмы. Вспыхнувшая революция освободила его немного раньше. Манифест 17 октября даровал амнистию политзаключенным. После отсидки Коновалов вливается в политическую жизнь с остервенением. Всероссийская октябрьская политическая стачка, создание рабочих комитетов на ЗабЖД, вооружение рабочих железной дороги, паралич власти, легкая анархия и дурман близкой свободы и всеобщего равенства, давали Коновалову неиссякаемый источник силы. В революционной среде он чувствовал себя как рыба в воде. Связавшись с товарищами по партии он получил указания работать вплотную с железнодорожниками, они всегда были противниками власти способными к быстрой организации под руководством социалстов, к тому же по неизвестным причинам, рабочие железной дороги были в отличии от крестьян хорошо внушаемы и всегда готовы к революционным, под час диким выходкам. Хорошим примером служит хулиганский, пьяный поступок железнодорожных служащих на станции Борзя. Они вынесли портрет императора Николая Второго на перрон и прилюдно начали его оскорблять бранными словами. Коновалов был направлен в Читу, где продолжил заниматься своей любимой работой, агитацией рабочих, а так же поставками оружия. Из Читы он направился по железнодорожному полотну на юг, на каждой станции он выступал с пламенными речами, призывал к революции, агитировал «за народ». Воистину это был человек не лишенный красноречия и не знавший усталости. Передвигаясь от станции к станции, Коновалов оказался в Маньчжурии. Здесь он во главе большевистской партиячейки организовал демонстрацию вылившуюся в массовые беспорядки. Коновалов был схвачен и избит полицией. Возвращавшиеся с фронта казаки во главе с генералом Рененкамфом посчитали своим долгом пресечь мятежи и бесчинства, на что получили разрешение из Петербурга. По всей линии К. В. Ж.Д казаки восстанавливали попорченный революцией закон и порядок. Во избежание бюрократической волокиты были организованы военно-полевые суды, скоро выносившие приговоры революционером. Под такой суд и попал Александр Коновалов. Вот его письмо матери. Мама! Я хотел Вам часто писать, не все не было почты. Теперь почта ходит, и я пишу Вам первое, и к несчастью, последнее письмо. Я был арестован на станции Маньчжурия и предан военному суду. Суд признал меня виновным в руководительстве рабочим движением и призыве к восстанию против правительства и приговорил меня к смертной казни через повешение. Вероятно, сегодня или завтра приговор будет приведен в исполнение. Я совершенно спокойно

уюжу из этого мира тьмы и насилия, уступая дорогу более молодым силам. Если и удалось мало сделать, они кончат начатое нами. Я умираю с уверенностью, что наши трупы послужат прочным фундаментом, на котором созиждется лучшее будущее моей многострадальной Родины. Будьте спокойны и Вы! Ваш Сын Александр. 17 января 1906 года ст. Борзя. Я просил, чтобы Вам переслали мои вещи и около 30 рублей денег. Смертную казнь через повешение мне заменили расстрелянием. Александр (орфография сохранена).

Даже в тюрьме, точно зная о скорой смерти, Александр Коновалов ненавидит мир, для него в нем нет радости только тьма и насилия, а революция есть не что иное как кульминация, а смерть желанный эпилог. Александра Коновалова расстреляли на станции Борзя 17 (10) января 1906 года. Во время казни он пел французский гимн- Марсельезу. Он был похоронен на железнодорожном кладбище в районе горы Буха. Местные большевики неоднократно пытались воздвигать на могиле памятник и проводить там свои сходки, но власти этому всегда мешали. В годы гражданской войны Коновалов был перезахоронен на городском кладбище, сейчас там проходит улица Матросова. Могилы осквернены, превращены в дорогу для пешеходов и автомобилей, несмотря на то, что памятники и надгробия продолжают оставаться на своих местах. Не удивительно, что могила видного революционера была утеряна. В 1988 году к 70-летию Великой октябрьской революции решено было найти и вновь торжественно перезахоронить Александра Коновалова. Что собственно и было сделано. Из акта об обнаружении могилы героя революции 1905 года А. И. Попова-Коновалова. «Ориентиром захоронения А. И. Попова служила могила ребенка Бойко, недалеко от которой похоронен и А.И.Попов, вскрытие значительной части территории вокруг могилы Бойко позволило обнаружить единственное захоронение, по многим признакам являющееся могилой А.И.Попова. Скелет человека обнаружен на глубине 100 см от поверхности. Погребенный лежал на спине, ориентирован головой на запад. Анатомический порядок скелета нарушен: отсутствуют нижняя челюсть, лучевые кости рук и Фаланги пальцев, нет костел предплечья и плечевого пояса, нет костей таза, костей голени и стоп, часть ребер находилась в области таза. Череп лежал на правой стороне, лицевая часть черепа частично разрушена, отсутствуют зубы, места, где были зубы забиты землей. Все это свидетельствует о том, что захоронение вторичное. Остатков одежды не обнаружено, хотя в соседних могилах, более ранних /судя по местоположению/ остатки одежды хорошо сохранились. На костях с верхней и нижней сторон сохранились остатки ярко-зеленой краски, которой был окрашен гроб с внутренней стороны. Гроб небольшой, в изголовье ширина 40—45 см /торцовая часть/. Остатки волос на черепе, характер их зачеса соответствуют зачесу на известной фотографии А.И.Попова. Фотографии соответствует и характер надбровных дуг найденного черепа. Все это позволяет сделать вывод, что найденное захоронение принадлежит Александру Иннокентьевичу Попову /Коновалову/». Сейчас могила А.И. попова -Коновалова находится на улице его имени рядом со школой №15 города Борзя.

Глава 6. Владимир Immerman

В начале 20 века в Чите был знаменит Владимир Васильевич Immerman. Immerman был эсером-максималистом. Immerman обладал незаурядным организаторским талантом, поэтому ему с легкостью удалось организовать в Чите бесперебойную работу террористической группы. Immerman добывал револьверы и бомбы, занимался вымогательством, богатые люди считали лучшим откупиться от него, чем переселиться на тот свет. В 1908 году, максималисты буржуев нарезали с избытком и к тому же напечатали множество прокламаций, призывая читинцев следовать их величественному примеру. Из 444 известных нам эсеровских листовок 368 были воспроизведены типографским способом, на оборудовании читинских социал-демократов. После того как организовавшаяся группа сформировалась, ею была выпущена к населению прокламация декларативного характера, где говорилось о непримиримой вооруженной борьбе путем террора, как политического, так и экономического, с существующим политическим и хозяйственным строем за социализм, за социалистическую революцию. Средств у организации не было. Оружия и вообще инвентаря тоже. Естественно, что в первую очередь встал вопрос о денежных средствах. Был поставлен вопрос о подписке и сборе членских взносов, но результат оказался ничтожный, и перед организацией встал вопрос об экспроприации. Но так как на экспроприацию оружия в достаточной мере не было, то гражданином Immermanом было предложено, как он называл, «ялтинским способом» добыть денег. Способ этот заключался в следующем: посылалось кому-нибудь из представителей буржуазии письмо с требованием уплатить столько-то и к такому-то сроку, после чего ожидали, и если получившее лицо уплаты не производило, его пристреливали. Было послано письмо купцу Самсоновичу, имевшему миллионное состояние, уплатить две тысячи рублей. Цифра определялась нуждами организации. Самсонович имел фирмы в Чите, Харбине и Владивостоке. Получив письмо, он перестал жить в Чите и находился все время в разъездах. Организация же, не имея средств преследовать, вынуждена была его ожидать. В это время были посланы несколько писем другим лицам, суммы приблизительно такие же. Одновременно была заведена кузница, где жили и работали товарищи, и оранжерея, в которой один из наших товарищей развел цветоводство, а остальные жили как рабочие. Средства, поступающие от оранжереи и кузницы, почти целиком расходвались на нужды товарищей. Обзавелись небольшой типографией, отлив в мастерских нелегально шрифт. В типографии издали четыре листовки. Готовились поставить лабораторию. Наконец одному из товарищей удалось выследить Самсоновича и подстрелить, одновременно были брошены бомбы в дома двух других купцов. Уже сидя в тюрьме, я слышал, что они совещались и решили выдать требуемые деньги революционерам, так как охранка не могла огрadyть их интересов. Но Рудов, начальник охранного отделения, сумел получить их деньги вместо революционеров, и у меня теперь, через десять лет, создается впечатление, что мы работали или нам позволяли «ширяться» с благословения охранки. Когда начала налаживаться более-менее подготовительная работа, то есть нами были отлиты оболочки для бомб в железнодорожных мастерских, раздобылись револьверами, купцов терроризировали, и они были готовы раскошелиться, в это время по мановению невидимой руки начался систематический разгром. Из коллег Immermana по революционному ремеслу ни кто не подозревал, что их бравый руководитель, тихонечко стучит на них же властям, за скромное вознаграждение.

Immerman являлся штатным агентом охранного отделения. Вообще стоит отметить, что среди эсеров, всегда проскальзывал некий дуализм, двурушничество. Например столичный глава боевой организации эсеров Азеф, тоже был агентом охранки, и без зазрения совести продавал своих товарищей, не забывая свершать и кровавые террористические акты. Единственным что удивляло товарищей Immermana – это обилию денег у него, и дорогая одежда. Когда его товарищи спрашивали: – «Володя откуда деньги?» Он неизменно отвечал – «Конспирация!

Учительствую понемногу. Мне и платят». В январе 1909 года охранка накрыла читинскую, эсеровскую, террористическую группу. Уже сидя в камере революционерами не составило большого труда, как говориться сложить два и два, и вычислить предателя-provokatora. Единственным кого не было среди них был Владимир Иммерман. Подобно дикому зверю, чувствующему не минуемую опасность, Иммерман поспешил скрыться из Читы, в этом ему помог начальник Читинского охранного отделения Рудов. Это позволило ему избежать расплаты за свое предательство со стороны товарищей по партии. Зуб на Иммермана по мимо эсеров имели и социал-демократы. Вскоре после ареста Читинской группы, также была разгромлена подпольная типография социал-демократов и все те, с кем близко общался Иммерман были арестованы. Сам же Иммерман при содействии властей сменил фамилию на Щедрович (видимо за то, что щедро оптом сдавал товарищей по сдельной цене), устроился работать в железнодорожные мастерские в городе Пинске, что в Белоруси. В этом городе была сильная иудейская община, по сему Иммерман чувствовал себя здесь комфортно.

В Пинске, теперь уже Щедрович продолжал сотрудничать с охранным отделением, но громких и важных, значимых дел ему свершить уже не удалось. Расплата пришла лишь спустя десять лет в разгар гражданской войны. Московский революционный трибунал 1 октября 1919 года начал слушание дела №536 Владимира Васильевича Иммермана. Улик и свидетельских показаний было достаточно для доказательства того, что Иммерман сотрудничал с царскими властями. Благо даже сохранились бумаги в архиве царской охранки, подтверждающие сотрудничество и выплату вознаграждений.

Трибунал приговорил Иммермана к высшей мере наказания, но «самый гуманный суд в мире» вскоре во вторую годовщину отменил свой же приговор, и в честь знаменательной даты амнистировал Иммермана. Расстреляли его в 1922 году по делу правых эсеров.

Глава 7. Забайкальские казаки с фронта возвращались

Вашему вниманию небольшая статья 1938 года, за авторством генерал-лейтенанта белой армии Д.Ф.Семенова. В статье описывается путь Забайкальских войск с западного фронта на Родину объятую революционным пожаром.

Революция 1917 года застала Дмитрия Фроловича Семенова на Персидском фронте, в должности начальника 3-ей Отдельной Забайкальской казачьей бригады и по совместительству начальника Урмийского отряда. Здесь же он впервые встретился с Григорий Михайловичем Семеновым. Раньше им как-то не приходилось встречаться, хотя они служили в одних и тех же полках нашего родного войска (прим. одновременно), то есть в 1-м Верхнеудинском и в 1-м Нерчинском. Григорий Михайлович вышел из училища в 1-й Верхнеудинский полк, а Дмитрий Фролович к этому времени был переведен в 1-й Нерчинский, когда же Григорий перевелся в 1-й Нерчинск, то Дмитрий перед этим уехал в Петроград, получив назначение в Офицерскую Кавалерийскую школу Начальником Казачьего Отдела.

С первых же дней революции на всех фронтах начались бесконечные митинги, и вскоре то же настало на столь отдаленном театре военных действий как Персия. Стали появляться представители «красы и гордости русской революции».

Эти разгульные, бесшабашные, наглые матросы Балтийского флота призывали на митингах армейские массы следовать их примеру – террору и разрушению. Много рискованных положений пришлось пережить офицерскому составу. Много потребовалось труда, находчивости и терпения, дабы удержать солдатские массы от насилия, грабежей и прочих эксцессов. Это особенно трудно еще и потому, что офицерские кадры совершенно не были подготовлены к ораторской деятельности. Было очень незначительное число смелых, даровитых, обладавших даром слова офицеров, которые выступали перед этими враждебными, подчас воинственно настроенными массами, дискутируя с безответственными демагогами. Одним из наиболее удачных оппонентов в этих выступлениях был Григорий Михайлович Семенов. Благодаря этому в отряде не было совершено насилия над офицерами и все части отряда сохранили относительный порядок и дисциплину, выполняли боевые приказы.

Дмитрий Фролович вспоминал:

«Особенно порядком и дисциплиной отличались все артиллерийские части отряда. С искренним чувством благодарности и по сей час я вспоминаю ревностную, самоотверженную работу этих немногих офицеров, особенно же есаула Семенова, оказавшего мне неоценимую помощь по поддержанию дисциплины и порядка в 3-м Верхнеудинском полку, где он командовал 4-ой сотней. К несчастью, и там имелся свой большевик, прапорщик Седякин, нахватавшийся из революционных брошюр хлестких, трескучих фраз.

И только есаулу Семенову удалось обуздать его и подчинить себе».

Как известно, с приходом к власти большевиков, фронт быстро рушился. Было решено начать поход с фронта с тех частей, родина которых была дальше. Поэтому первыми пошли 2-я, а затем 3-я отдельные Забайкальские казачьи бригады, а уже за ними 4-я Кубанская казачья дивизия, а дальше пехотные части. Но с отходом казаков, пехота тотчас же бросила свои позиции и лавиной покатила к линии железной дороги. Получилась страшная путаница. С оружием в руках, с трудом удалось набрать нужное количество вагонов, и распродав за бесценок всех лошадей, бригада в трех эшелонах, двинулась с в февраля 1918 года в далекий путь на Родину. С большими трудностями, в полной боевой готовности двигались через Кавказ и Европейскую Россию с надеждой, что Сибирь свободна от большевиков. Тем более, что до забайкальцев доходили смутные слухи, что в Сибири власть находится в руках Областной Думы.

Но перевалив через Урал, с движением на восток, забайкальские казаки все более убеждались, что и Сибирь вся в руках большевиков. До Красноярска ехали без всяких задержек и трений. В Омске впервые узнали из газет, что на станции Маньчжурия против большевиков выступил атаман Г. М. Семенов. От Омска каким-то образом, эшелон с батареей и штабом бригады оказался в хвосте, а оба полка впереди.

«Помню, рано утром наш эшелон прибыл на станцию Красноярск. Мы спали, как в наш офицерский вагон вошел г. Меновицков и объявил, что штаб бригады полностью арестован. Оказалось, что полки, прибывшие в Красноярск раньше – были задержаны. Местные большевистские власти при участии прапорщика Сидякина и телефониста Меновицкова – устроили митинг с рабочими фабрик и заводов и потребовали от казаков выборного начальства».

Штаб бригады и те офицеры полков, которые отказались служить по выборам, были заключены в Красноярскую тюрьму. Вся администрация тюрьмы была старая, с Царских времен, и к нам как к политическим заключенным относилась прекрасно, доставляя нам из города газеты и все новости. Газеты Красноярска были полны сообщениями о выступлении Атамана Г. М. Семенова и призывами пролетариата на борьбу с ним. Об Дмитрие Фроловиче Семенове писали, что поймали «большого карася». Через полтора месяца забайкальцев под конвоем все же отправили в Читу, где революционный трибунал на второй же день выпустил на свободу. Благодаря тому, что бывший артиллерийский офицер 2-ой дивизии Триполитов занимал в Чите пост министра промышленности и знал Дмитрия Семенова по дивизии, где и командовал 1-м Верхнеудинским полком, Дмитрию Фроловичу дали разрешение на выезд из города в свою станицу. Дома, у матери, он пробыл только одну неделю, и затем уехал в ОМО (прим. Особый Маньчжурский Отряд. Сформирован Г. М. Семеновым). Атаман как раз в это время разбил большевиков Лазо под Борзей и занял Оловянную.

Лазо, отступая, взорвал мост через реку Онон, чем задержал стремительное наступление. Порыв не терпит перерыва. Чита не была взята с ходу. Как говорится, на плечах противника. Получилась длительная задержка. Большевики оправались от паники и срочно сосредоточили против Особого Маньчжурского Отряда превосходные силы. С занятием станции Оловянная, район реки Онон вошел в сферу влияния Отряда Атамана Г. М. Семенова, что значительно усилило состав Отряда большим притоком людей. С первым же поездом Дмитрий Семенов выехал к атаману и нашел его на одном из полустанков под Оловянной, где и представился ему, получив сразу же назначение помощником и заместителем по ОМО.

Штаб отряда был размещен в классных вагонах, в нем Дмитрий Семенов получил для себя отдельное купе. Все части отряда также имели свои составы, как средство передвижения и базы для снабжения как продовольствием, так и боевыми припасами. Во время пребывания Дмитрия Фроловича в штабе, ОМО дал три больших боя: под Оловянной, Хадабулаком и Мациевской. На Мациевской штаб атамана посетил полковник, барон Араки.

От него узнали о решении Ниппонского Правительства выступить против большевиков (прим. Япония, официальное название «Ниппон коку», «Ниппон коку» (яп. ###)). И действительно, Ниппон выступил, выслав 3-ю в Читу и 7-ю дивизию в Маньчжурию. По занятии в августе месяце 1918 года семеновцами Читы, Дмитрий Фролович был назначен начальником 1-й Забайкальской казачьей дивизии, к формированию которой и приступил. Особенно большую услугу оказала нам пришедшая 5-я дивизия генерал-лейтенанта Судзуки Соороку.

Глава 8. Мария Спиридонова

С конца 1860-х годов женщины стали проявлять политическую активность. Не одна уважающая себя, прогрессивная революционная организация не могла представить себя без большого обилия молодых девушек, курсисток, институток. Дворянки, воспитанные на романтике и утонченной эстетике приключенческих и любовных романов видели в революционерах этих рыцарей плаща и шпаги, борющихся за добро против тиранов и деспотов. Своего рода «Робин гудов». В те времена революция была девушкой, у которой находилось множество женихов, и подруг.

Начиная с 70-х годов прошлого столетия, в крупных политических процессах в качестве главных обвиняемых появляются женщины. Российские суды приговаривают к смертной казни Софью Перовскую, Гесю Гельфман. Вера Засулич. Революционеры выступали противниками смертной казни, и высказывались, что «царские палачи» истязают и казнят бедных женщин. Хотя сами эти женщины не гнушались убийствами, приводили в исполнение приговоры боевых организаций. Женщины наравне с мужчинами участвовали в терроре.

Женщина в революционном терроре это была великая сила, способная на все, на жертвенность, на фанатичную самоотдачу во имя свободы, против самодержавия. Зачастую девушки даже не понимали всю глубину и трагизм своих действий, увлеченно следуя громким лозунгам романтических вождей. Революционерки самозабвенно отдавали душу и тело на алтарь революции.

16 января 1906 года юная студентка Мария Спиридонова совершила в Борисоглебске казнь вице-губернатора Луженовского по приговору Партии Социалистов Революционеров. Девушка была приговорена военным судом к смертной казни через повешение. В полицейском участке жандармы, раздев Марию донага, жестоко избивали её, а потом истязали, туша о её грудь окурки, затем в вагоне во время отправки на суд, по пути в Тамбов, изнасиловали.

Врач, осматривавший Спиридонову в тюрьме, засвидетельствовал многочисленные повреждения и следы надругательства. Девушка пребывала в шоке, от пережитого кошмара двадцати двух летняя Мария не могла вспомнить свое имя, она помнила лишь то, что учится в 7 классе.

Насильник, сотрудник охранного отделения Аврамов так усердствовали в избиении, что лицо девушки превратилось в кровавое месиво, были выбиты почти все зубы, левый глаз практически ослеп, легкие отбиты, она оглохла на правое ухо.

Дело Спиридоновой получило международную огласку и имело заметный общественный резонанс. Под давлением либеральной прессы и интеллигенции смертная казнь была заменена бессрочной каторгой в Забайкалье. Первоначально Мария Александровна содержалась в Ака-туе, а затем в Мальцевской тюрьме.

После революционных событий 1905 года у властей назрела проблема содержания в заключении женщин осужденных по политическим статьям. В Забайкалье специально строится Мальцевская тюрьма, предназначенная для содержания женщин. Сюда ссылали в основном социалисток-революционерок. Из семидесятих двух женщин тридцать шесть принадлежали партии эсеров.

Юная Мария, уже смерившаяся со смертным приговором приготовилась к избавлению от позора и мучений. Известие о изменении приговора на каторгу, лишило девушку душевного равновесия. Потрясенная проявленной «гуманностью властей», Спиридонова решила на самоубийство. Только уговоры ее друга Владимира Вольского с которым у нее были романтические отношения смогли убедить ее не совершать столь страшный поступок. Восторженные любовные письма, которые он посылал Марии, вселяли в нее надежду, придавали ей сил. Влюбленные отчаянно добивались свиданий, они хотели пожениться. Тюремное начальство не раз-

решило им встретиться, тем более заключить брак, аргументируя отказ тем, что первый брак Вольского не был расторгнут, и тюрьма не бордель. Встретились Владимир и Мария только в 1917 году, но общего у них уже ничего не было, даже не, о чем было поговорить. Потерянное время в тюрьме убило чувства.

Сразу же после освобождения по личному распоряжению А. Керенского в марте 1917 года, Мария Александровна активно занялась общественной и политической работой. По инициативе Спиридоновой в Чите был создан эсеровский комитет, стоявший на позициях интернационализма и максимализма. До середины мая Спиридонова принимала участие в работе Читинского Совета Рабочих и солдатских депутатов. 13 мая после речи Спиридоновой исполком Читинского Совета принял решение о ликвидации Нерчинской каторги. Это неудивительно, эсеры пользовались огромным влиянием в Забайкалье. Они всегда поддерживали крестьянство, которое преобладало в области.

Мария Александровна делегирована на 3-й съезд Партии Социалистов Революционеров. На съезде она представляла Забайкальскую область. Как видную революционерку, не предавшую идеалы свободы в неволе, Спиридонову избрали в президиум в качестве почетного члена. Во время съезда произошел раскол партии на левое и правое крыло. Спиридонова вошла в руководство левых эсеров.

В Питере Мария Александровна мгновенно влилась в активную политическую борьбу, стала членом Северной организации ПСР, выступала за всестороннее углубление революции, выдвигала свою кандидатуру в Центральный комитет партии, но из-за интриг не добрала голосов.

С лета 1917 года Спиридонова активно занимается издательской и пропагандистской деятельностью. В журнале партии «Наш путь» публикуется ее статья «Задачи революции», которая фактически стала ее предвыборной программой. Мария Александровна включена в список кандидатов на выборы в Учредительное собрание. Спиридонова участвует в различных съездах, собраниях, встречается с рабочими и моряками Балтийского флота. С их стороны находит поддержку и одобрение.

После большевистского переворота в октябре 1917 года Спиридонова вместе с левыми эсерами сотрудничает с большевиками. Дальнейшие расхождения во взглядах с ними приведут Марию Спиридонову к неудачному левозэсовскому мятежу 6 июля 1918 года. Удайся мятеж, она могла бы встать во главе советской республики, но мятеж привел к ее аресту. Политическая звезда Марии Александровны начала клониться к закату. В 1925 году Спиридонова была отправлена в ссылку. Во второй половине 1930-х попадет под молот репрессий. Мария Александровна Спиридонова была расстреляна 11 сентября 1941 года.

Глава 9. Петровск-Забайкальские «чуглитовцы» в красной гвардии

Узнав о Октябрьской социалистической революции, рабочие чугуноплавильного производства Петровского Завода по приказу 3-ей областной партконференции РСДРП, состоявшейся в декабре 1917 года, приступили к установлению Советской власти.



Петровский Завод. Церковь. Общественное достояние.

26 января 1918 года рабочее собрание под председательством токаря механического цеха Г. Снгаева избрало Совет депутатов и передало ему всю полноту власти. Членами Совета были Петр Васильевич Гладких, Александр Глебович Гладких, Трофим Перфильев, Вячеслав Сутурии, кандидатами – Андрей Миронович Мальцев, Степан Васильевич Степанов, Алексей Николаевич Инжелевский, Иосиф Борисович Добрынин. Выбранный Совет контролировал дисциплину и порядок в поселке, обеспечивал охрану завода и организовывал борьбу с самогонварением. Пришедшая на смену старого режима Советская власть создавала совершенно новую систему управления национализированными промышленными предприятиями страны. В марте 1918 года по решению 2-го съезда профессионального союза рабочих и служащих горной промышленности Забайкалья управление Нерчинского горного округа ликвидируется, и все руководство предприятиями переходит в ведение только что организованного Забайкальского областного горного совета. Высшим органом управления Петровским чугуноплавильным, литейным и механическим заводом в первом году Советской власти стал заводской хозяйственный совет, состоящий из пяти членов, избираемых на один год тайной подачей голосов всех рабочих и служащих предприятия. Его главными задачами являлось: улучшение и увеличение производства, удешевление его и поднятие трудоспособности товарищей. В хозяйственный совет вошли формовщик А. А. Андреев, горновой И. Д. Уцин, токарь Г. Е. Сигаев, слесарь В. Ф. Сутурин и управляющий заводом Н. А. Мальцев. Они несли полную ответственность за финансовую и производственную деятельность предприятия, за выполнение заказов, за кадры, за развитие и техническую оснащенность завода. Выборы хозяйственного совета состоялись на собрании рабочих 2 апреля 1918 года. Тогда же было решено создать отряд Красной Гвардии рабочих- «чуглитовцев». Возглавил его вернувшийся с Первой мировой войны георгиевский кавалер, слесарь механического цеха, член партии большевиков Иван Полуэктович Бухаров, помощником был назначен член заводского хозяйственного совета Александр Глебович Гладких. Отряд состоял из 115 рабочих. Были в нем братья Гладких и Крауз, Алексей

Сергеевич Коновалов, Василий Федорович Мигунов, Петр Мигунов, Дмитрий Михайлович Губанов, Василий Колобов, Владимир Добрынин, Макаров и другие рабочие, в большинстве молодые, не учувствовавшие в войне, не имевшие дела с оружием. Но несмотря на свою молодость они были полны решимости беспощадно бороться за Советскую власть, против семеновских войск, по слухам формирующихся на станции Маньчжурия, с отрядами белогвардейцев и иностранными интервентами. Бухаров и Гладких после работы обучали необстрелянных красногвардейцев основам военного дела. В августе 1918 года положение советов в Забайкалье резко ухудшилось. Неуверенная попытка остановить продвижение вооруженных отрядов, подчинявшихся временному сибирскому правительству и чехословацкого корпуса не увенчалась успехом. Красные оставив Верхнеудинск (**ныне Улан-Уде**) и Петровский Завод отступали к Чите.

В Чите красногвардейцы петровчане охраняли Государственный банк. В конце августа отряд «чуглитовцев», был послан выполнять задание С. Лазо. Петровчане совершил дерзкий налет на арсенал с оружием в Нерчинске. Об этом событии А. Гладких вспоминал так: «Буквально из-под носа белых вырвали винтовки... Это оружие было роздано по пути нашего отступления от станции Приисковая Забайкальской железной дороги до города Свободного Амурской железной дороги, в том числе были вооружены рабочие узловых депо станции Шилка, Ксеньевская, Могоча, Ерофей Павлович, Магдагачи и др. Это сыграло важную роль в разгроме врагов революции...» С уходом на восток последних эшелонов красной армии и красногвардейских отрядов и установления в Восточной окраине Белой Забайкальской государственности во главе с атаманом Семеновым, тотчас активизировались большевистские подпольные организации. Сильные подпольные группы образовались в Петровском Заводе. Одна из них была создана на станции. В ее состав вошли М. А. Сажин, А. П. Павлуцкий и другие. Руководил группой Афанасий Сергеевич Рыжков, паровозный кочегар. Вторая группа действовала на Петровском чугунолитейном заводе: А. А. Андреев, П. Колобов, А. П. Бухаров и другие. В одну из январских морозных ночей 1920 года небольшая группа партизан под командованием Евгения Владимировича Лебедева совершила налет на овчинно-шубный завод поселка. Погрузили на подводы и вывезли партизанам сотни полушубков, валенок, теплых рукавиц. Связным партизанского отряда, с заведующим производством овчинно-шубного завода, подпольщиком С. Р. Заводовским, отвечающим за подготовку этой смелой операции, был молодой партизан, храбрый разведчик Николай Негин, сын местного железнодорожника. Его не сломили горечь поражений, аресты, не человеческие пытки в семеновских застенках. В мае 1920 года Негин вступил в ряды партии большевиков и до конца своей короткой жизни оставался убежденным коммунистом. Навечно остались в истории гражданской войны 18 бойцов партизанского отряда, погибших в неравном, жестоком бою с японцами на Тарасовой заимке под селом Харауз, в 20 километрах от Петровского Завода. В этом бою погибли братья Кухтины – Василий, Михаил, Иван, Федор Лончиков, Федор Дьячковский, Иннокентий Томилов из Петровского Завода, и бойцы из сел Мухор-Шибирь, Новый Заган и Катаева. Командир отряда Радзевич до последнего патрона отстреливался от врагов. Партизан похоронили при большом стечении народа на кладбище Петровского Завода в братской могиле.

Глава 10. Атаман Семенов – беспощадный борец с коммунизмом

Белоэмиграция всегда воспринимала годовщины большевистского «Октября», как дни всенародного покаяния и траура России. Русские изгнанники, проживавшие в Маньчжу-Динго, в 1938 году отмечали двадцатую годовщину начала борьбы за освобождение Родины под предводительством Атамана Семенова. По условиям времени и места день рождения Атамана 26 сентября принято было считать днем начала борьбы и днем признания заслуг Атамана. Как известно, Атаман Г. М. Семенов первым поднял знамя борьбы с большевизмом, сразу же после начала революции. Выступление это имело колоссальное значение, сейчас это как правило замалчивается и на передовую выдвигаются заслуги других деятелей белого движения, но именно Семенов стал первым, кто дал решительный отпор силам революции, тем самым подав пример к образованию и других антибольшевистских центров вооруженной борьбы. Выступление подтолкнуло колеблющихся и убедило сомневающихся. Знамя было поднято, нужные слова произнесены и вооруженная борьба начата. Походный Атаман Казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока Генерал-Лейтенант Г. М. Семенов является общепризнанным Вождем белого движения в 1920-30-х годах. Его имя было хорошо известно не только в местах русского рассеяния, но и в России.

В 1918 году, молодой, тогда еще никому неведомый, забайкалец Г. М. Семенов дерзко бросил вызов торжествующему свою победу над Россией советскому правительству и первый повел с ним беспощадную вооруженную борьбу. С горсточкой людей, без всяких средств, не имея всероссийского имени и не занимая видной должности в армии, атаман Семенов в чине есаула, не задумываясь над конечным исходом начатого дела – он начал свою борьбу с поработителями народа и разрушителями Великой России. Как писала белоэмигрантская пресса в Харбине в 1938 году: «Атаман до сего времени не сложил оружия».

Таков счастливый удел сильных, цельных натур, не знающих вечных сомнений, половинчатости и компромиссов. Вероятно, этими своими качествами он был обязан и своей популярности среди наиболее стойких и активных слоев Российской эмиграции. Среди эмиграции существовала в корне отличная точка зрения на деятельность атамана Семенова, от той что бытовала в СССР, где его не иначе как японской марионеткой и палачом не именовали. Собрав вокруг себя горсть, беззаветно любящих Россию офицеров и казаков, есаул Семенов смело выступил с ними на защиту Российской государственности, законности и порядка.

Опять же в изданиях Союза казаков Дальнего востока об своем лидере писали так: «Тяжела и нервна была эта борьба, особенно в начале. Против тысячных банд, отлично вооруженных и снабженных матросов – этой «красы и гордости не русской революции, есаул Семенов мог двинуть лишь слабые силы своего Особого Маньчжурского Отряда, вооружение и снабжение которого заставляло желать лучшего. Но доблесть отряда и жертвенный патриотизм, вера в своего атамана творили чудеса и Особый Маньчжурский Отряд за все время упорной страды, не знал поражений». Действительно, прошло немного времени и имя «Семенов» стало страшным для большевиков и хорошо известным всей России. В большевистских газетах того времени, издававшихся в Чите и Иркутске, «товарищи комиссары» метали гром и молнии по адресу дерзкого казачьего офицера, посмеявшего с оружием в руках выступить против «рабочей крестьянской власти». Против Отряда Атамана Семенова, едва насчитывавшего в своих рядах несколько сотен офицеров и казаков, были брошены лучшие части из озверевших матросов и анархистов которых хотели использовать как пушечное мясо. Образовался целый противосеменовский фронт, которым командовал известный, заядлый большевик Лазо, имевший при себе в качестве начальника штаба генерала фон Таубе. Лазо получил категори-

ческое приказание из коммунистической столицы Москвы – во что бы то ни стало «вышибить Маньчжурскую пробку» и открыть свободный, путь на Владивосток через Харбин для красных войск. Если бы Особый Маньчжурский Отряд не проявил исключительной стойкости, полоса отчужденны К. В. Ж.Д была бы захлестнута большевистским шквалом и жители счастливой «Хорватии» (прим. начальником правления К. В. Ж.Д был Дмитрий Леонидович Хорват) на собственном опыте познакомились со всеми прелестями «принудительного коммунизма» (военный коммунизм). Русское население полосы отчуждения К. В. Ж.Д не испытало всех ужасов большевистской революции только благодаря атаману Семенову и его Особому Маньчжурскому Отряду. «Маньчжурская пробка» была забита атаманом крепко и Лазо так и не удалось ее вышибить. К июлю 1918 года атаман Семенов со своим Отрядом стоял около ст. Оловянная, где произошла встреча Отряда с частями Гайды и Пепеляева.

В дальнейшем Есаул Семенов был утвержден Сибирским Правительством в чине Полковника, а адмирал Колчак произвел его в генерал-майоры и в генерал-лейтенанты. Родные ему забайкальцы избрали его своим Войсковым атаманом как воздаяние за его заслуг по освобождению территории Забайкальской области от большевистской власти 9прим. в 1918 году Семенова население воспринимала как освободителя.

Своим сотрудничеством с Японией он к 1920 года настроил население против себя). 4 января 1920 года на станции Нижнеудинск Верховный Правитель и Верховный Главкомандующий адмирал Колчак особым указом передал всю полноту верховной власти атаману Семенову.

Уже находясь в эмиграции атаман Семенов, ни на одну минуту не прекращал борьбы с коммунистами. Один из первых он понял, что коммунизм не может рассматриваться как специфически русское явление, опасное лишь для России и народа.

В 1922 году он обратился с призывом к правительствам всего мира, в котором прямо назвал коммунизм – мировым злом и призывал все культурное человечество к совместной борьбе с ним во имя торжества прогресса и цивилизации. Через двадцать лет его призыв услышали представители «Оси», был образован антикоммунистический блок, атаман Семенов активно работал на японскую разведку, посылал хвалебные письма Гитлеру, сотрудничал с фашистскими организациями. В общем делал все, что бы окончательно запятнать свое имя. 30 августа 1946 года за свои деяния он получил заслуженную «награду», петлю на шею.

Глава 11. Как есаул Семенов маньчжурский гарнизон разоружил

Этот исключительный по проявлению отваги и мужества эпизод мы передаем со слов непосредственных участников событий. Возможно, что время стерло в памяти некоторые маловажные детали, но сам факт настолько ярок, что против его бессильно даже время. Итак... Расквартировав свой Монголо-Бурятский полк, не блещущий к стати сказать, пока еще своей численностью и жестокостью на станции Даурия, пока только есаул Семенов, в своих исканиях плацдарма для наступления, обратил свой взор на К. В. Ж.Д.

Стремясь для этого связаться с генералом Хорватом, полноправным в то время хозяином полосы отчуждения. 18 декабря 1917 года Семенов, в сопровождении своих подручных Бурдковского и Батуева выехал в Харбин. Остановившись на станции Маньчжурия Григорий Михайлович имел несчастье лично наблюдать, своеволие, разложение и деградацию тамошнего гарнизона, охваченного «большевицкой заразой».

Семенов твердо для себя решил, что в интересах безопасности Забайкалья, порядка и себя самого от революционных посягательств нужно разоружить гарнизон. Единственным вопросом было: – Как? Единственной реальной силой, которой обладал есаул Семенов, было 20—30 штыков монгол-бурят. Численность же маньчжурского, распропагандированного большевиками гарнизона, превышала тысячу человек. Но как говорится: -Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Фортуна любит храбрецов и безумцев. Семенов рискнул.

– Ваше Превосходительство! – говорил он через несколько часов после своего приезда в Маньчжурию, китайскому генералу, начальнику китайского гарнизона на станции. – Я военный комиссар Дальнего Востока, полномочен Всероссийским временным правительством. Вот мой мандат! – Семенов протянул бумагу и продолжил.

– Я имею задачу разоружить здешний русский гарнизон и эвакуировать его в пределы России. Я посчитал возможным донести до вас об этом лично, так как до меня дошли слухи, что вы занимались самоуправством и хотели незаконно сделать это своими силами. Китайский генерал заискивающе улыбался.

– Вмешательство китайских сил в русские дела может вызвать осложнение пока дружеских отношениях России и Китая. Поэтому прошу вас Ваше Превосходительство, согласиться со мной, что разоружение гарнизона лучше всего произвести русскими же силами. С этим предложением начальник гарнизона китайских войск на станции Маньчжурия генерал-майор Гын Сок охотно согласился. Более того, что это снимало с него большую заботу.

– Если есаула Семенова своих силмала-мала, то его, генерала Гын, бригада всегда поможет поддержку. – любезно предложил генерал.

– Этого не потребуется. Ваше Превосходительство. – поблагодарил его есаул Семенов. – Я уверен, что с этой задачей я справлюсь своими собственными силами. Этой беседой вопрос о разоружении с дипломатической точки зрения был улажен. Есаул Семенов приступил к исполнению задачи, которую поставил перед собой. По его просьбе начальник станции предоставил в его распоряжение тридцать теплушек для погрузки Монголо-Бурятского полка со станции Даурия. С этим порожняком на станцию Даурия был отправлен казак Бурдуковский. С ним же есаул Семенов отправил записку барону фон Унгерн-Штернбергу.

«Роман Федорович! Забирай всех свободных людей, изображай настоящий эшелон, затопи все теплушки, везде зажги огни и двигайся в Маньчжурию», помня, что ты ведешь весь Монголо-Бурятский полк в полном составе. Так и отвечать на все! вопросы, если таковые, будут кем-либо заданы». План разоружения гарнизона был построен у есаула Семенова исключительно на психологическом воздействии на обольшевиченных и по этой причине потеряв-

ших всякую боеспособность солдат: на рассвете пока еще солдаты спят, ворваться в казармы, занять пирамиды с винтовками и именем Временного правительства объявить о демобилизации. При слове «домой» революционно настроенные солдаты забудут про все, за винтовками не потянутся и воспримут разоружение как долгожданное избавление от опостылевшего бремени службы. А затем останется малое – погрузить всех в вагоны и отправить в Читу. В два часа ночи с 19 на 20 декабря 1917 года, Монголо-Бурятский полк подошел к воинской платформе станции Маньчжурия. Демонстрация мнимых сил была проведена бароном Унгерном блестяще. Все теплушки дымили печами, из всех окон мерцал свет.

Во всяком случае трудно было предположить, что во всех тридцати теплушках разместилось всего лишь шесть офицеров, считая при этом и самого начальника эшелона барона Унгерна, и двенадцать казаков. Таков в то время был «полный состав» Монголо-Бурятского полка.

– Немного же нас, – подсчитал есаул Семенов. – Но ничего. Справимся. Хорунжий Мадиевский вы останетесь пока при эшелоне за старшего, а мы с бароном пройдем в Дипломатическое Бюро для согласования с китайцами наших дальнейших действий. Никого к эшелону не подпускать и на все вопросы, от кого бы они не исходили, отмечать, что в этом эшелоне подошел из Даурии Монголо-Бурятский полк в полном своем составе. – В последнем ошибки не будет, – улыбнулся барон. – Греха на душу не возьмете. В Даурии только несколько человек осталось. Наряд... В Дипломатическом Бюро есаула Семенова уже ожидали начальник китайского гарнизона генерал Гын, представители китайских гражданских властей и русской общины.

– Может быть господина есаула, вес таки, понадобится моя помощь? – тревожно опросил генерал Гын. – Ведь здесь почти больше тысяча русских солдат. С одним полком вам трудно будет с ними справиться.

– Ваше Превосходительство. Я прошу вас не беспокоиться. – отвечал Семенов. – Я искренне благодарю вас за предложенную мне помощь, но смею вас заверить, что разоружение пройдет прекрасно. Не будет сделано даже ни одного выстрела.

– Господин есаул. – вынул из кармана бумагу городской голова Бурмакин. – Вот я на всякий случай... Здесь список большевицких главарей: Гимилеев, Дружина, Зарубим, Иценко, Лебедев, председатель совдепа Яковлев.

– Всего шесть человек? А адреса? Адреса я вас спрашиваю есть?

– Есть, есть! Здесь все написано. Вот!

– Хорошо! Давайте. За одно прихватим и их.

Убедившись, что китайцы мешать не собираются, и местная русская общественность оказывает помощь, есаул Семенов с бароном в четыре часа утра возвратились к эшелону. Распределили скудные силы.

Сам есаул Семенов с прапорщиком Смирновым и с казаками Бурдюковским и Батуевым взял на себя разоружение дружины Барону Унгерн с двумя казаками было поручено разоружить конский запас и железнодорожную роту. Хорунжий Мадиевский с двумя казаками был командирован для разоружения охранной команды в помещении вокзала. Хорунжему Савичу была дана задача занять с двумя казаками железнодорожные мастерские для предупреждения возможного выступления железнодорожников. Арест «большевицких главарей» был поручен хорунжему Бурундукову с командой также из двух казаков. Оставшиеся же силы «полка», во главе с военным чиновником Фирсовым были оставлены для охраны эшелона, который был выведен на выходной путь. Разоружение началось в 5 часов утра. Ознакомившись, еще накануне с расположением гарнизона Семенов прямо направился к казармам, которые занимала дружина. Было еще темно. Дружинники мирно спали. Спал и часовой у входа во двор казармы и проснулся только, тогда, когда Бурдюковский выхватил у него винтовку искомандовал «смирно». Вытянувшись, дружинник ошалевшими глазами смотрел на казака.

– Только пикни. – ткнул его прикладом Бурдуковский. – Больше не захочешь. Оставив у ворот Батуева, остальные ворвались и казарму сразу же захватили пирамиды с винтовками. Сладкий сон дружинников был прерван зычным окриком есаула Семенова. Через силу продрав после перепоя глаза. Дружинники непонимающе смотрели на уставившего на них дуло револьвера казачьего офицера. – К винтовкам, товарищи! – раздался среди дружинников одинокий вскрик, но сразу же смолк. Решительный вид Бурдуковского стоявшего около винтовок, направленное на солдат дуло его карабина, осадили пыл дружинников.

– Смирно! – скомандовал есаул Семенов. – С мест не двигаться и внимательно слушать, что я буду говорить. Я военный комиссар Всероссийского временного правительства. Именем революции объявляю демобилизацию. Пора вам, братцы ехать по домам и перестать здесь хулиганить и позорить доброе имя солдата. Даю вам двадцать минут на сборы. Кто в это время не успеет собрался, будет расстрелян на месте. Казарма окружена моим Монголо-Бурятским полком. Не прошло и десяти минут как дружинники построились во дворе казармы и были готовы к отправке домой.

Рассчитав дружины на первый, второй и сдвоив ряды, прапорщик Смирнов повел к эшелону. Там Семенов приказал разбить дружину на группы по сорок человек, назначил в каждой группе старшего и скомандовал: – По вагонам! Бегом марш! Давя друг друга, преисполненные радости дружинники быстро заполнили собою больше половины состава. К этому времени к эшелону подошел с солдатами конского запаса и железнодорожной роты барон Унгер. Произведенное бароном разоружение прошло так же гладко и покойно. Единственно, над кем барону пришлось применить метол физического воздействия, был начальник маньчжурской милиции Степанов. Не зная расположение казарм конского запаса барон взял его к себе в проводники. На пути в казармы Степанов, поглядывая на сопровождавших барона двух казаков, начал беспокоиться.

– Где же ваши люди, господин полковник? С кем же вы хотите разоружить несколько сот человек?

– Вы что ослепли? Не волнуйтесь ваше дело только показывать. Остальное вас не касается.

– Да, но, ведь, это... – Смирнов предпринял попытку убежать, стал кричать. – Господа! Господа ведь это просто авантюра. Нас перебьют, как цыплят. Барон вскипел, он всегда презирал трусость, парой ударов ножами от своей шашки принудил Степанова повиноваться. Робко озираясь начальник милиции довел барона дот казарм, а сам бегом кинулся обратно. Сначала в казармах конского запаса, потом железнодорожной роты, барон Унгерн, так же быстро, как и есаул Семенов провел разоружение и теперь стройными рядами подводил трофеи к эшелону. Вскоре подошел хорунжий Мадиевский с разоруженной им охраной вокзала. Явился хорунжий Бурундуков, гоня перед собой арестованных большевистских лидеров.

– Все? – спросил есаул Семенов, указывая на большевиков.

– Так точно, господни есаул. Целая морока с ними. – докладывал хорунжий Бурундуков. – Упираются, протестуют.

– Это неважно, пусть протестуют. Постройте их.

С узелками, заспанные, плохо еще разбирающиеся в том, что с ними произошло, эти шесть большевиков представляли собою жалкое зрелище. – Пакостить то умели, а теперь хвосты поджали. – помогая хорунжему Бурундукову строить большевиков, ворчал Бурдуковский раздавая время от времени, под шумок, увесистые тумачи тем, кто упорно не мог усвоить тонкости военного построения в одну шеренгу.

– Вот что, господа-товарищи, – обратился к ним есаул Семенов. Довожу до вашего сведения, что «большевицкая власть» мною здесь ликвидирована. Вы знаете, кто я? Ну, что, же вы молчите? Знаете, или нет?

– Семенов. – мрачно раздалось из рядов. – Ну, так вот. Приедете к себе в Совдепию, так и скажите всем, Семенов, мол, нас ликвидирует. Распропагандированный ваш здешний гарнизон, мною разоружен и сейчас с вами высылается в России. Солдаты едут в открытых теплушках, хотя и под конвоем. Ваша же теплушка будет запломбирована. Этим вам оказываю особую честь. Можете гордиться, – вы едите в Россию как Ленин. Приедете туда, передайте всем вашим товарищам, что вы ушли от меня живыми как исключение. Больше с вашим братом я церемониться не буду. А теперь – марш в вагоны. Захлопнув за последним большевиков двери теплушки, Бурдуковский навесил на них пломбу. К 10 часам утра эшелон был готов к отправке в Россию.

В последнем вагоне эшелона Семенов приказал разместить усиленный конвой, аж из двух человек, и стрелять по каждому кто будет во время движения выглядывать в окна теплушки или подходить к дверям. Машенисту же было приказано не останавливаться до самой Борзи.

Глава 12. Красный Могзон

Настороженно встретили могзонцы весть об отречении государя-императора и падении самодержавия. На собраниях, митингах ораторы выражали мнения по-разному настроенных рабочих и служащих.

Среди митингующих заметно выделялась группа кадровых рабочих железнодорожников, представители которых призывали к передаче всей власти Советам, прекращению кровопролитной войны, введению восьмичасового рабочего дня. Возглавляли столь радикальную группу: молодой рабочий участка пути Пантелеймон Дзюмак и пожилые рабочие мастерских пути Алексей Наумович Стриженов, путевой обходчик Сергей Андреевич Машкин, артельный староста Никифор Ильич Богданов, осмотрщик вагонов Никифор Федорович Шувалов. Железнодорожники станций Чита-I, Могзом и Хилок провели общую, суточную забастовку за власть Советов, их поддержали анархисты.

В 1917 году в Могзон стала поступать нелегальная в то время газета «Забайкальский рабочий», бывшая рупором воли большевиков. Коммунистические ячейки на станциях железной дороги вели ее распространение среди железнодорожных рабочих, конечно газет на всех не хватало, да и из соображения, что рабочие пустят газету на самокрутки, как правило на общей сходке кто-то один громко зачитывал газетные статьи. После начиналось бурное обсуждение. В результате плотной работы большевиков с железнодорожниками особенно активизировались выступления рабочих Могзона с политическими требованиями. Катализатором выступлений стал расстрел демонстрации в Петрограде 4 июля 1917 года.

После Октябрьской социалистической революции политическая активность железнодорожников в Забайкалье возросла еще больше. На общем собрании граждан Могзона в начале декабря 1917 года был избран районный Совет рабочих и крестьянских депутатов, в который вошли Сергей Гетьман – электромеханик железнодорожного телеграфа, Лаврентий Соламагин – бухгалтер лесничества, Петр Вахтуров – печник участка пути и другие, всего 15 человек. В апреле 1918 г. обстановка потребовала создания отрядов Красной гвардии. Более сотни могзонцев добровольно вступили в ряды Красной гвардии. Более двух десятков из них были отправлены на Даурский фронт. Командиром группы назначили Захара Григорьевича Лиходедова. С остальными красногвардейцами шло обучение военному делу. В начале мая 1918 года в Могзон приехал матерый, заядлый большевик, член Среднесибирского бюро ЦК РСДРП (Б) и Центросибири Яков Ефимович Боград, который выступал на рабочих собраниях путейцев, в депо и в народном доме.

Он рассказывал о целях и задачах партии большевиков, о угрозе для большевиков исходящей из Забайкалья в лице атамана Григория Семенова и японцев. Призывал железнодорожников защищать Советскую власть. Даже несмотря на то, что войска атамана получили отпор и были вынуждены отступить к границе Маньчжурии, обстановка в Забайкалье оставалась напряженной. Во многих станицах создавались белогвардейские отряды для помощи Семёнову, красногвардейцы опасались удара с тыла.

17 мая 1918 года начался мятеж чехословацкого корпуса, которому Советским правительством было разрешено выехать через Владивосток во Францию.

12 июля 1918 года чехословацкий корпус занял Иркутск. Чтобы преградить им путь, был создан Прибайкальский фронт по распоряжению Лазо из Забайкалья началась переброска войск на Прибайкальский фронт, в том числе из Могзона был отправлен отряд из 60 красногвардейцев. В августе чехи, поддержанные частями Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака, заняли Верхнеудинск. Для организации обороны на Прибайкальский фронт выехал С. Г. Лазо. Возвращаясь в Читу, Лазо провел в Могзоне митинг, на котором призвал железнодорожников верить в победу Советской власти. Перед его отъездом в вагоне состоя-

лось совещание с рабочими, стоящими на твердых позициях большевиков. Часть из них вскоре подалась в леса, создав партизанский отряд под командованием австрийца Иозефа Штумфеля. Оставшиеся рабочие были объединены в подпольную группу для проведения дезорганизации работы транспорта, связи с партизанами, агитации против белогвардейцев. В состав подпольной группы вошли Алексей Наумович Стриженок, Михаил Фомич Попов, Никифор Ильич Богданов, Никифор Федорович Шувалов.



Чехословацкий корпус. Временные казармы. Общественное достояние.

24 августа 1918 года подпольщики организовали серию терактов. Были взорваны пять железнодорожных мостов, что значительно задержало продвижение чехов к Чите, чехословацкий корпус был вынужден от станции Харагун до Могзона передвигаться в пешем строю.

Для белой Забайкальской государственности настали тяжелые времена. Кровавый террор развернутый атаманом Семеновым не смог прекратить борьбы большевиков с его режимом, а наоборот только увеличил ряды их сторонников. Бездумная жестокость семеновцев по отношению к народу, расстрелы и казни без надлежащего суда вызывали отвращение к атаману, даже у тех, кто изначально был на его стороне. Железнодорожники препятствовали продвижению грузов и эшелонов, организовывали аварии и даже крушения поездов. На дороге махровым цветом расцвел саботаж. Подпольный комитет через Л. Н. Соломатина и Людмилу Лиходедову – сестру трех партизан поддерживал постоянную связь с лесным подпольем. Чем ближе продвигалась Красная армия Советской России к Забайкалью, тем сильнее становились зверства семеновцев, так как партизаны становились активнее и на смену отдельным вылазкам пришли практически полноценные рейды и войсковые операции. 15 июля 1919 года в телеграмме на имя полковника Тирбаха атаман Семенов приказал: «В связи с событиями на Забайкальском фронте сегодня ночью будут расстреляны все большевики Читинской тюрьмы. Прикажете в указанном вами месте, Макаевском и Туринском разъездах, рыть большие могилы. Привезены будут ночью. Расстрел произвести офицерам из пулеметов. Конвоировать будут юнкера».

19 декабря 1919 года на станции Оловянная семеновцы арестовали и увезли на бронепоезде «Истребитель» шестнадцать рабочих железнодорожников. В пяти верстах от Оловянной они высадили их и повели к реке Онон, заставили долбить прорубь, а потом прикладами, штыками, саблями стали стаскивать туда свои жертвы. Вести о провалах большевистских подпольщиков в Оловянной, Чите и других железнодорожных станциях быстро докатились до Могзона. Были усилены меры конспирации, подготовлены возможности ухода в леса. Беда грянула неожиданно. 23 декабря рано утром бронепоезд «Истребитель» с соседней станции

Гонгота вышел под видом резервного паровоза. И когда дежурный телеграфист Константин Попов уточнил, что это за паровоз, и послал рассыльного телеграфиста Афанасия Пузанова, связанного с подпольем, предупредить товарищей, было уже поздно: бронепоезд прибывал. Каратели оцепили станцию, создали три группы для ареста большевиков. Всех арестованных доставили на бронепоезд «Истребитель», а через некоторое время дежурившие железнодорожники слышали протяжные стоны и душераздирающие крики истязаемых. Во второй половине дня бронепоезд отправился на запад. Ночью он остановился на 821-й версте. Из вагонов вывели пленных, в одном белье, босых, связанных колючей проволокой по два человека, едва способных тащить ноги, несчастных подгоняя штыками и били прикладами винтовок в спину. Большевиков вывели на лед реки Хилок, где заставили долбить прорубь. Оказалось, что река в этом месте промерзла до дна. Арестованных погнали обратно, через полотно железной дороги, и в 500 метрах от него, на опушке леса, расстреляли.

Вот список казненных подпольщиков: Алексей Наумович Стриженко, Василий Евграфович Попов, Сергей Андреевич Машкин, Евлампий Никифорович Хазлов, Михаил Фомич Попов, Лаврентий Назарович Соломатин, Людмила Григорьевна Лиходедова, Никифор Федорович Шувалов, Сергей Лукич Кривошеев. Похороны расстрелянных были разрешены только 20 апреля 1920 года, когда партизанский отряд анархистов Нестора Каландарашвили и войска Народно-революционной армии ДВР овладели станцией Хилок. Трупы в вагоне перевезли в Могзон и захоронили на кладбище.

30 апреля отряд Каландарашвили после упорных боев занял станцию Могзон. В бою с японцами под станцией Гонгота Каландарашвили был тяжело ранен. 22 октября 1920 года части НРА ДВР и партизанские отряды выбили из Читы белогвардейцев и интервентов.

Глава 13. Нестор Каландаришвили

Он был грозой мирных помещиков на Кавказе, террористом-грабителем, готовившем покушение на иркутского генерал-губернатора, политкаторжанином, бывшим «в авторитете» у сибирских воров, лихим атаманом иркутских анархистов и авантюристом-искателем «золотого Эльдорадо» в Забайкалье. Он известен и как основатель Корейской революционной армии, овеянный народными легендами «дедушка» сибирских красных партизан, орденосолец, любимец Ленина и Троцкого.

Сын многодетных и бедных грузинских дворян Нестор Александрович Каландаришвили родился в 1876 году в селе Квирикеты Кутаисской губернии. Кроме него, в семье было еще четверо детей – его сестры Ивдита, Софья и Елизавета и брат Христофор. Сельская школа в Квирикетах, Кутаисская гимназия и учительская семинария в Тифлисе – начало «его университетов». Затем он спутался с эсерами, пропагандировал революционный терроризм, за что был собственно говоря и исключен из семинарии. Уехал в Батум, стал работать в офисе на заводе Ротшельда, параллельно учительствовать. Он женится.

Но мирная тихая жизнь обычного клерка притила буйному естеству Нестора. Ему хотелось настоящих дел и крови. В начале 20 века Каландаришвили проходит специальную подготовку в боевой организации эсеров. В 1904 вступает в партию социалистов -революционеров. Ему не терпится приступить к террору. В лучших традициях катехизиса Нестор готов самоотверженно нещадить чужой жизни для революции, как в прочем и своей. В году великих свобод, реформ и поражений, а именно в 1905 году Нестору выдалась такая возможность. Революция господ!



Нестор Александрович Каландарашвили.

Каландаришвили в составе боевых дружин эсеров в конце ноября принимает участие в Батумском восстании. На улицах Кутаиси и Батуми выросли баррикады. В Шорапанском, Зугдидском и Озургетском уездах власть целиком перешла в руки крестьянских революционных комитетов. В Абхазии крестьянство под руководством Серго Орджоникидзе самоотверженно боролось с самодержавием. 29 ноября в Батуми восставший пролетариат захватил привокзальный район. В Горийском и Душетском уездах красные дружины были приведены в боевую готовность. В соседней Армении тоже не дремали. Армянские отряды, вооруженные с помощью высокопоставленных армянских и проармянско настроенных чиновников Кавказского наместничества, в 1905 году совершив вооруженное нападение на азербайджанцев, проживающих в Баку, Иреване, Нахчиване, Зангезуре, Карабахе, Гяндже, Тифлисе и других

местах, тем самым стремились, очистив эти территории от азербайджанцев, добиться численного превосходства армян. Так как в тот период на Кавказе из 54 уездов только в пяти из них армяне составляли большинство. Но вернемся в Батум.

Зверства мятежников не были вызваны какими-либо агрессивными действиями со стороны властей, а чисто профессиональным недовольством нефтяников. В результате погибло от террора много русских административных и частных лиц, неугодных Илье Чавадзе и зарождающимся сепаратистским силам.

С помощью войск и малой крови зверства вставших удалось прекратить. Было орестовано 348 человек. Коландаришвили удалось скрыться от полиции. Он перешел на нелегальное положение. и перебрался в Кутаиси. Нужно отметить что власти халатно и либерально относились к революционерам, не смотря на нелегальное положение Нестор работал актеров в Куитаском театре и каждый вечер совершенно открыто выходил на сцену. Не кому из властей до него не было дела.

После поражения революции Нестор разочервался в эсерах, и в 1907 году он вступает в «Анархистскую федерацию». В деятельность анархистов он превносит столь любимый им террор.

За этот год он организовал несколько громких терактов, грабежей ювелирных лавок и налетов на жандармерию. А в конце 1907 года бросил жену и детей и бежал от идущей по пятам полиции на Украину, затем в Крым. Здесь он вел разгульную жизнь, просторы позволяли делать революции и творить Анархию. Сколотил небольшой отряд, занимавшийся грабежами магазинов. Однажды они даже совершили налет на жандармерию. После этого за Коландаришвили, который уже успел побывать в тюрьме по мелким делам, снова туда не хотел. За Коландаришвили активно взялись власти, и темпераментный грузин был вынужден переместиться в Иркутск. Но Иркутск для него был промежуточным пунктом, его целью была эмиграция в Японию. Япония его прельщала гейшами, и тем что японцы воевали с Россией, которую он ненавидел.

В Иркутске его планы поменялись. Он получил сообщение о том, что его товарищи-анархисты за взятку выкупили его дело и поэтому «уже не было необходимости скрываться за границей». В итоге «опасный преступник» спокойно жил под своей фамилией в Иркутске у местного фотографа Назьямова, состоял членом «профсоюза актеров» и играл в местном театре.

Вскоре Нестор Коландаришвили примкнул к одной как бы сейчас сказали ОПГ состоящей из этнических кавказцев. Дело в том, что в Иркутскую губернию мотать срок посылали преступников с кавказского региона.

Из истории Иркутска.

«Оказавшись в ссылке, кавказцы объединились в обособленные этнические группы, занимавшиеся различными видами преступной деятельности. Выгодно отличаясь от своих коллег по преступному ремеслу тесными этническими связями, непонятными для большинства сибиряков письменностью и языком, выходцы с Кавказа долгое время оставались наименее изученными звеном криминального сообщества Восточной Сибири.

Выделяясь замкнутостью по отношению к другим представителям уголовного мира, кавказцы превосходили их жестокостью и организованностью своих действий. Не допуская в свой мир чужаков, они безжалостно и цинично расправлялись со всеми, кто пытался проникнуть в их среду».

Кроме того, революционный грузин при живой жене нашел себе любовницу, которую выдавал за свою сестру. Не забывал он и о преступном промысле, быстро наладив связи с местным криминальным миром и занимаясь мошенничеством, фальшивомонетчеством и тому подобными вещами.

В Иркутске Нестор быстро наладил связи с анархистским террористическим подпольем и представителями уголовного мира. Он составил проект «договора чести» с иркутскими ворами и пользовался у них несомненным авторитетом.

«В конце 1912 г. Каландаришвили, по рекомендации афериста Силована Алексеевича Чехидзе, знакомится с ювелиром ссыльнопоселенцем Эдуардом Мартиновичем Медне и, удивившись в профессиональных качествах последнего, делает заказ на изготовление клише для чеканки золотых и серебряных монет в машине, сконструированной Г. Козиковым.

В начале 1913 г. Нестор Александрович, по совету крупного кавказского грабителя Бидо Секании, встречается с «человеком, способным на разные дела по получению денег путем подделки документов» – ссыльнопоселенцем Сергеем Васильевичем Беловым, которому и предлагает «заняться делом получения путем подлогов крупных денежных сумм, устроив штук 10 почтовых переводов по 50000 руб., и принять участие в подделке фальшивых монет, указывая при этом, что монеты будут выпускаться достоинством и чеканом не хуже правительственных, и что благодаря низкой пробе каждый серебряный рубль обойдется не более 38 коп».

Кроме того, Каландаришвили организовал заказное убийство местного предпринимателя, однако его подручные-грузины сплеховали и смогли только ранить жертву. Каландаришвили арестовали, но за недоказанностью обвинений отпустили. Его подручные отказывались давать показания, а кто соглашался – не доживал до встречи со следствием.

В 1915—1916 годах он окончательно оставил террор и грабежи (в революционной терминологии «экспроприации»), и участвовал в работе так называемого культурно-просветительского общества «Знание», позже закрытого властями за «неблагонадежность».

Февральскую революцию Нестор принял вяло, она была ему чужда. А вот уже в октябре 1917 года Каландаришвили снова взялся за старое. Он организовал Иркутский кавалерийский дивизион анархистов. Основу «анархистов» составляли его кавказские земляки, имелись и уголовники других национальностей, бывшие пленные венгры, австрийцы и крупный китайский отряд, у которого наличествовал свой китайский командир. Отряд активно занимался экспроприациями у буржуазных угнетателей и даже выдвинулся в Забайкалье воевать с Семеновым, но был полностью разгромлен. Весь интернационал разбежался. Сам Каландаришвили вернулся в Иркутск, где купил большой дом и жил там выдавая себя за священника придаваясь блуду с так называемой «сестрой».

Белые наступали по всей Сибири, и большевики остро нуждались в людях. Они предложили Каландаришвили сотрудничать – тот дал согласие. С небольшим отрядом революционный грузин ушел в партизаны: взрывать поезда и устраивать диверсии. Его отряд также напал на иркутский Александровский централ и отбил несколько сотен заключенных, которые присоединились к революции и борьбе за уничтожение старого Мира.

В декабре 1917 года анархист Каландаришвили, ранее не признававший по идейным соображениям никакую власть, участвовал вместе со своей «дружиной» в подавлении мятежа офицеров и юнкеров против большевиков в Иркутске.

С установлением власти большевистских Советов в губернском Иркутске открылись широкие возможности для «экспроприаций» буржуазии и дворянства. Чем активно и занимались не только красногвардейцы, но и «бойцы» Иркутской черной гвардии, Тихвинского отряда черемховских анархистов и дружины Каландаришвили.

С середины июня большевики из Иркутска начали вывозить золото Госбанка и деньги. Активно велась эвакуация советских учреждений в Верхнеудинск, разгружались военные склады на ст. Иннокентьевская, часть имущества которых раздавалась населению. Нанеся поражение красным под Нижнеудинском, корпус Пепеляева занял Зиму. Части красных и обратились в бегство по направлению к Листвянке. 11 июля в Иркутске собрался штаб антибольшевистского подполья, началась запись добровольцев, на улицы были высланы первые патрули. В тот же день Иркутск заняли части сибиряков.

Перед началом отступления из Иркутска отряд Каландаришвили пополнился бойцами-интернационалистами из венгров, китайцев и корейцев, а сам «Дедушка» делил командование с командиром китайской части отряда Та Наньфу. Отряд насчитывал около 900 человек. Однако после боев за ст. Култук и Слюдянка, где Каландаришвили попал в окружение и потерял 300 бойцов, и после катастрофы под ст. Посольская, от его отряда почти ничего не осталось. Разбитые части красного Прибайкальского фронта были переформированы в две дивизии. После переформирования Нестор Каландаришвили стал командиром одной из них – 3-ей Верхнеудинской дивизией. Остатки его бывшего кавдивизиона вошли частями в 1-ый пехотный полк и кавалерийский полк возглавляемой им дивизии. Дивизии была придана артиллерия.

Далее следовал знаменитый тысячекилометровый таежный поход отряда Нестора Каландаришвили от Усть-Кяхты до Иркутска через хребет Хамар-Дабан, затем по территории Монголии и через горную систему Восточных Саян в долину под Иркутском. Из-за того, что повсеместно белые взяли власть, путь отряда шел по безлюдным местам через тайгу, горные ущелья. К концу этого похода от двухтысячного отряда Каландаришвили осталось 70 человек. Остальные разошлись по домам, сдались или были пойманы белыми. На ст. Иннокентьевская Каландаришвили купил на 25 тыс. рублей двухэтажный дом. Уже в апреле 1919 года «Дедушка» собрал небольшой партизанский отряд в 60—100 человек.

Осенью 1920 года он опять во главе конного полка участвовал в боях против «конно-азиатской» дивизии барона Романа Унгерна. Отряд Каландаришвили в составе частей НРА пытался помешать объявившему себя партизаном Унгерну пройти по занятым красными местам и перехватить золото, захваченное бароном. Однако Роман Унгерн без особых усилий осуществил свой план и ушел в Ургу.

Одна из самых интригующих страниц в биографии Каландаришвили – создание им на территории Приморья «Корейской революционной армии». В этом проекте воплотилась идея «перманентной революции» Троцкого. В мае 1921 года в Иркутске была создана Корейская коммунистическая партия. Всего же в рядах Красной армии РСФСР и Народно-революционной армии ДВР сражалось в общей сложности до 10 тыс. корейцев. Реввоенсовет 5-ой Краснознаменной армии и командование НРА ДВР приняли решение об объединении разрозненных корейских партизанских отрядов в регулярную революционную армию Кореи. Ее главнокомандующим стал Нестор Каландаришвили, к тому времени уже написавший заявление о приеме в партию большевиков – РКП (б).

Штаб Корейской армии находился в п. Свободный Амурской области, численность «армии» составляла 1 500—1 700 бойцов, включая отряд Каландаришвили. С первых же дней Каландаришвили столкнулся с царящим в корейских частях анархизмом. Дошло до того, что часть анархистов выступила против командующего армией, якобы «предавшего идеи анархизма»

Полная сражений, приключений и авантюр жизнь «Дедушки» – Каландаришвили завершилась 6 февраля 1922 года в Якутии. Туда бывший «легендарный партизан Сибири» был отправлен командовать войсками Советской Якутии (2 000 бойцов), подавлявших Якутское восстание, поднятое белыми повстанцами и якутскими националистами. У поселка Тектюрь отряд Каландаришвили попал в засаду и в ходе боя «Дедушка» погиб.

Глава 14. Урульгинская конференция

В конце лета 1918 года на станции Урульга состоялась конференция советских органов власти Забайкальской области. Она сыграла особую роль в Партизанском движении, официально признав падение Советов в Забайкалье и переход пробольшевистских сил на нелегальное положение.

На Урульгинской конференции со своим виденьем сложившегося положения в Забайкальской области и Дальнем Востоке выступили 18 человек. Среди них большевистские лидеры:

Сергейт Лазо – будет расстрелян а затем сожжен в паровозной топке японцами в 1920 году.

Фрол Балябин – через год, в 1919 году будет подвергнут пыткам в контрразведке Семенова, а затем расстрелян.

П. Казачков – погибнет в бою.

Н. Гаврилов – погибнет в бою под Читой или Хабаровском в 1919 году, точных сведений нет.

Александр Вагжанов – бывший член Государственной Думы, погибнет в Чите через 1 год, 6 июля 1919 года.

Иван Бутин – 17 июня 1919 года будет замучен до смерти в Макавеевской гауптвахте барона Тирбаха.

Георгий Богомягков – его постигнет та же судьба, что и Бутина, смерть настигнет его в Макавеево.

Из участников конференции гражданскую войну пережили: Дмитрий Шилов, А. Ширинов, И. Резников, Н. Матвеев, Б. Жданов, В. Прокофьев, Ф. Омастак, Вейсман, Лебедев.

Делегатов конференции формально избирали прямо в эшелонах с отступающими на Дальний Восток красными. Место и время проведения конференции ни кто не знал, скорее всего оно было выбрано случайно, руководствуясь тем, что именно в Урульге сосредоточились, отступавшие под ударами войск атамана Семенова, красногвардейские части.

Все дома в старинном селе основанном по преданию князем Гантимуром были заняты интернационалистами и красногвардейцами. По приказу представителей РСДРП (б) здание местной школы было велено не занимать, именно в нем было решено провести конференцию.



Фото здания школы в с.Урульга в котором состоялась конференция. Из фондов МУК "БРКМ".

На конференции собрались руководители советских органов власти Читы, представители революционных воинских частей, представители железнодорожного комитета. Председателем был избран рьяный большевик Н. Гаврилов, секретарем избрали бывшего редактора партийной газеты «Забайкальский рабочий» И. Резника.

Первым выступил командующий Забайкальским фронтом Сергей Лазо, его выступление было наиболее кратким. Он обрисовал ситуацию на фронте, обрисовал в целом как красногвардейцы Могзона, под его руководством пытались задержать белогвардейские части. Сказал, что чешские легионеры заняли Читу.

Вторым выступил командующий Даурским фронтом Ф. Балябин, он рассказал о ликвидации фронта. После предыдущей победы над Семеновым на фронтовом съезде было решено отправить в отпуск 15 процентов наличного состава. Вопреки этому решению фронт стихийно начали покидать целые части. На индивидуальное дезертирство на этом фоне просто приходилось закрывать глаза. Воспрепятствовать уходу по домам вооруженных солдат было не возможно, уговоры на них не действовали, а применять силу было просто опасно для непрочно утвердившейся Советской власти. Таким образом ко времени нового наступления Семенова держать оборону было практически не кому, да и обороняться было не чем. Оружия и боеприпасов остро не хватало.

Объяснив причины ликвидации фронта Балябин отметил, что эвакуация прошла с серьезными материальными потерями. Были уничтожены два броневика и вся артиллерия. К тому же большая часть артиллеристов попала в плен под Оловянной.

Следующим выступил представитель интернационалистов Вейсман, он потребовал немедленно огласить повестку конференции и преступить к обсуждению, так как сильно опасается белых казаков. Действительно имелась информация о проходе большого отряда казаков в Нерчинск. Значит могла быть и угроза окружения.

Самым животрепещущим вопросом конференции стало ограбление Читинского отделения Госбанка. Обсуждение заняло много времени.

Центросьбирь вывезла из Иркутска около 7 миллионов рублей банкнотами. Через неделю их уже не было. Было решено выпускать так называемый «Заем Свободы», было напечатано на 32 миллиона. Изготовление билетов и их нумерация не поспевали за потребностями рынка в деньгах, было решено выплатить жалование золотом.

С оставшимся золотом долго не могли решить, что делать. Мнение членов Сибирского совета народных комиссаров расходилось. Одни считали, что золото необходимо зарыть, другие, что нужно оставить в банке как обеспечение бумажек, третьи считали единственным правильным решением увезти золото из Забайкалья во Владивосток, а от туда переправить за границу, например в Швейцарию.

Знаменитый читинский анархист Пирожогин, красочно описанный в романе «Даурия» вместе со своими людьми решил воспротивиться эвакуации золота.

Тангинская сотня Пирожогина совершила дерзкий налет на казначейство и вывезла приготовленные ящики.

Всего в Читинском банке хранилось 4 тонны золота и 6 тонн серебра. Одну тонну золота большевики успели раздать воинским частям в качестве жалования, остальное было похищено.

Председатель следственной комиссии А. П. Вагжанов сказал участникам конференции о мерах принятых для поимки преступников. В частности по горячим следам был послан отряд красногвардейцев в гостиницу «Селект» где обитал Пирожогин, там его не оказалось, затем отправились на вокзал, это тоже ни чего не дало. Вагжанов так же указал на то, что нынешнее положение и пребывание в Урульге, проведение дальнейшего расследование делает не возможным.

Бутин возразил и предложил захватить Сретенск, что бы выпустить газету с материалами по делу ограбления Госбанка, посветить в происходящее широкую общественность.

Предложение Бутина было поддержано, так же была принята резолюция об отправке людей на поиски золота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.